

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

*для разведёнки
с прицепом*

Алёна
СКИФ

Алёна Скиф

Настоящий мужчина для разведёнки с прицепом

<https://litres.ru/74508764>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Вот та же Ковригина, – хмыкнул мой босс, втирая что-то своему заму, - разведенка с двумя детьми, ипотека, вечный цейтнот, вид, будто ее через детский сад протащили против шерсти... Я, конечно, тоже не подарок, но будь я на месте ее мужа от такого «счастья с двойным прицепом» сбежал бы. Работать надо, а не ныть о недосыпе.

«Мой босс – чурбан в идеальном пиджаке. Он заявил, что ни за что не женится на такой, как я – разведенке с «прицепом». И он прям таки напоминает моего бывшего, который от меня сбежал.

Отлично! Потому что я бы за такого циника тоже никогда не вышла!

Постойте что значит, мы завтра женимся?

Содержание

Глава 1. Никогда не женился бы...	5
Глава 2. Вместе весело шагать по просторам!	10
Глава 3. Я сама бы справилась.	16
Глава 4. Личное дело Ковригиной О.А.	21
Глава 5. У мамы полный бак... усталости.	27
Глава 6. Его взгляд был устремлён прямо на меня	33
Глава 7. Вы отбивались от орды варваров?	40
Глава 8. Я тебе точно говорю, он на тебя запал.	46
Глава 9. Недвусмысленное "Ой".	51
Глава 10. Гордость или крыша над головой моих детей	56
Глава 11. Рассказывай. Всё.	61
Глава 12. Радикальный способ решить проблемы	65
Глава 13. Вот и мамаша подъехала!	70
Глава 14. Работа в этом направлении ведется.	76
Глава 15. Устал. Не могу. Прости.	82
Глава 16. Ты обычный потаскун, Леха!	87
Глава 17. Нашей семьи больше не существует.	92
Глава 18. У тебя теперь есть тыл.	96
Глава 19. Ой, какие мы грозные!	101
Глава 20. Подписание контракта.	109
Глава 21. Четыре сыра	114

Глава 22. Разговоры о прошлом.	120
Глава 23. Ну, здравствуй, моя драгоценная невеста.	125
Глава 24. Я не хотела... мне так стыдно...	132
Глава 25. Я хотел обеспечить вас всем лучшим	139
Глава 26. Мама, я, кажется, совершила ошибку.	144
Глава 27. Хаос – это именно то, что мне сейчас нужно.	149
Глава 28. Мне нужно купить полмагазина.	154
Глава 29. Ты всё это сделал... за два дня?	161
Глава 30. Мы едем в новый дом! Ула!	168
Глава 31. Такова моя природа.	176
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Алёна Скиф

Настоящий мужчина для разведёнки с прицепом

Глава 1. Никогда не женился бы...

В гипермаркет «Уют» я ворвалась не как сотрудник. Я во-
рвалась как стихийное бедствие, несущее на себе следы тя-
желой битвы – с детством, бытом и железом. И попала пря-
миком на утренний разнос директора. Идеально.

Он стоял спиной – этакая гора в сером пиджаке, застыв-
шая перед полкой со смесителями.

Широкие плечи, красивая и модная стрижка, осанка че-
ловека, который, наверное, даже носки раскладывает по ли-
неечке.

– Настоящий мужик, – прошептала я с горечью, от кото-
рой свело скулы. Этот человек напомнил мне бывшего мужа,
только, похоже, этот был более удачлив в бизнесе. И внутри,
наверное, такой же чёрствый сухарь, который не понимает,
что такое детская истерика в пять утра.

— Коллеги, доброе утро, – его голос прокатился по отде-
лу, как холодный валик по тесту. Без интонации. Без души. –
Кто отвечает за «Сантехнику»? Почему вот на этом ценни-

ке пыль? Мы теперь торгуем антиквариатом или ощущением «заброшенной дачи»?

Он обернулся.

И я увидела лицо. Волевое, суровое. Не лицо, а обвинительный приговор. Твердый, как гранит, подбородок. Глаза, которые смотрят не на тебя, а сквозь, оценивая потенциальные убытки. Ни тени улыбки. Уставший волк, которому надоело свое же стадо.

Его взгляд, скользнув по толпе, а затем намертво прилип ко мне. К моим грязным ладоням. К той самой злополучной стрелке с дыркой на колготках, которая сейчас казалась размером с Чернобыльскую зону.

— Ковригина. Опоздание, — он сделал паузу, дав всем коллегам как следует меня рассмотреть. — И вид... мягко говоря, не соответствует корпоративному стилю.

У меня в висках застучало.

Вся кровь прилила к лицу. Я чувствовала себя обнаженной посреди этой стерильной торговой зоны. Как будто на мне был не пиджак, а фартук с надписью «Мамаша-неряха».

— У меня была нештатная ситуация, Ярослав Викторович, — выдавила я, ненавидя свой собственный подобострастный тон.

— Нештатные ситуации планируют, — отрезал он, не моргнув и глазом. — Проспали?

Господи, да гори ты синим пламенем!

Проспала! У меня внутри всё перевернулось.

С тех пор как у меня появились дети, просто поспать было несбыточной мечтой.

— Проколосось колесо! – выпалила я уже на повышенных тонах, забыв про субординацию. Пусть все слышат. Пусть знают, что я не просто прохлаждалась!

— И что, запасного нет? – он поднял бровь. В его голосе не было злорадства. Было ледяное, утомленное раздражение. Как будто я своим проколотым колесом и видом «помятой насадки» лично испортила ему весь день. – Или руки не от туда растут?

В тот момент я мысленно приложила ему по голове этой самой запаской. Со всей дури. Представила в деталях. На секунду стало легче.

— Я справилась сама, – проскрежетала я зубами.

— Герой труда, – бросил он, и в его глазах мелькнула искра. Не добрая. Такая, какая бывает от удара камня о камень. – Но в следующий раз планируйте свои подвиги во вне рабочее время. К десяти утра на моем столе отчет по списанию. И... приведите себя в порядок.

Он развернулся на каблуках, словно солдат на плацу, и пошел дальше. Его свита менеджеров ринулась следом, бросив на меня полные жалости взгляды.

Я направилась в подсобку, ощущая, как по телу разливается унижительный жар. Проходя мимо стеллажа с душевыми кабинами, я услышала его голос. Он разговаривал с кем-то из заместителей, и в его тоне сквозила откровенная брезг-

ливость.

— ... понимаю, у всех проблемы, — доносилось из-за угла. — У меня вот бывшая — тоже ходячая проблема, теперь с новым спонсором. Но знаешь, что бесит? Когда проблемы на работу тащат. Смотришь на некоторых — и сразу ясно, почему от них драпают, как от огня. Слишком много... лишнего груза.

Я замерла, вжавшись в стеллаж с силиконовыми герметиками и закусив губу, слушала.

— Вот та же Ковригина, — продолжил он, и мне показалось, я слышала, как он кивает в мою сторону. — Разведенка с двумя детьми, ипотека, вечный цейтнот, вид, будто ее через детский сад протащили против шерсти... Нет, ты не перебивай. Я, конечно, не подарок, но будь я на месте ее мужа... Да я бы на такой ни за что не женился. Один раз обжегся. И, честно, очень понимаю того, кто от такого «счастья с двойным прицепом» сбежал. Работать надо, а не ныть о недосыпе.

Воздух вокруг меня сгустился, стал вязким и тяжелым.

«Счастье с двойным прицепом».

«Очень понимаю того, кто сбежал».

Слова, как отточенные ножи, воткнулись куда-то под ребра и остались там, холодные и чужие. Он даже не подозревал, насколько был прав насчет «драпа». Бывший муж именно что драпанул, едва узнав о второй беременности.

Я не помнила, как дошла до умывальника.

В ушах стоял звон. Я плеснула в лицо ледяной воды — не

помогло. В зеркале на меня смотрела она. Та самая.

Разведенка с двойным прицепом.

С землистым лицом, растрепанными волосами и глазами, в которых плескалась беспомощная, кипящая ярость. Женщина, от которой сбегают. От которой этот каменный истукан в пиджаке сбежал бы даже быстрее, чем ее бывший муж.

«Никогда не женился бы...»

Эхо его фразы билось о стены моего черепа.

– Замечательно, Ярослав Викторович, – прошипела я, с такой силой вытирая руки бумажным полотенцем, что оно порвалось. – Просто замечательно. Потому что я бы за такого законченного, черствого, бессердечного чурбана... да ни за что не пошла! Даже если бы ты был последним мужиком во Вселенной! А уж с моими детьми – годовалым диверсантом и четырехлетней бунтаркой – ты бы и недели не протянул!

– Что простите? - услышала я голос своего начальника и резко обернулась.

Глава 2. Вместе весело шагать по просторам!

Я резко обернулась, и сердце провалилось куда-то в район сапог. В дверном проеме подсобки стоял он. Сам. Ярослав Викторович. Его лицо было невозмутимым, но в прищуренных глазах я прочитала холодное любопытство. Наверняка вернулся за забытой папкой или чтобы устроить допрос с пристрастием по поводу будущего отчета.

– Я... Я говорю, что отчет будет готов, – выдавила я, чувствуя, как горит не только лицо, но и все тело. – Ярослав Викторович.

Он молчал пару секунд, которые показались вечностью. Его взгляд скользнул по порванному полотенцу в моей руке, по моему красно-белому лицу.

– Вы громко рассуждаете сами с собой, Ковригина, – произнес он наконец. Его голос был ровным, без тени той брезгливости, что я слышала минуту назад. Но от этого было только страшнее. – Это новый метод борьбы со стрессом? Или вы уже получили от меня задание на день и обсуждаете его с невидимым оппонентом?

Я проглотила ком в горле.

Мысль, что он мог услышать хоть слово из моей тирады, вызывала приступ паники. Но нет, говорил бы другое и стоял

бы иначе. Наверное.

– Нет, я... Просто прокручивала план действий, – солгала я, глядя куда-то в район его галстука. У него был очень строгий, синий в тонкую серую полосу галстук. Идеально завязанный. Без единой морщинки. Как и он сам.

– План действий, – повторил он, и в углу его рта дрогнула какая-то мышца. Не улыбка. Скорее нервный тик от постоянного общения с идиотами. К коим я, видимо, была причислена. – Прекрасно. Включите в него пункт «сменить колготки». Корпоративная этика. И принесите отчет лично. Мне будет интересно оценить не только цифры, но и вашу способность концентрироваться на задаче после... столь насыщенного утра.

Он кивнул, развернулся и ушел, оставив после себя шлейф дорогого парфюма с нотами хвойной прохлады и абсолютной, непробиваемой уверенности.

Я прислонилась к раковине и закрыла глаза.

«Лично. Интересно оценить».

Это звучало как смертный приговор.

Следующий час я провела в аду, который назывался «подготовка отчета по списанию, когда в голове одни оправдания и желание придумать яд, не оставляющий следов».

Я конечно же сменила колготки на запасные из сумки (спасибо, мама, за привычку класть туда все подряд). Отмылась. Поправила макияж. В зеркале смотрела на меня все та же «разведенка с прицепом», но уже слегка замаскированная

под «сотрудницу, пытающуюся держаться».

Ровно в десять я стояла перед дверью его кабинета с распечатанным отчетом в дрожащих руках. Постучала.

– Войдите.

Его кабинет был таким, каким и должен был быть: просторный, минималистичный, все поверхности блестели. Ни одной лишней бумажки. Ни одного намека на личную жизнь. Он сидел за огромным столом, уткнувшись в монитор, и даже не поднял головы.

– Ярослав Викторович, отчет, – сказала я, делая шаг вперед.

– Оставь на столе, – бросил он, продолжая что-то печатать.

Я положила папку на указанный край стола. И замерла в нерешительности. Уйти? Стоять? В пронзительной тишине комнаты был слышен только стук его клавиатуры. И тут мое счастье решило напомнить о себе.

Из глубины моей сумки, которую я неосмотрительно взяла с собой, раздался звук. Не телефонный звонок. Нет. Звонок моего телефона был установлен на стандартную мелодию. А это было что-то другое. Что-то очень знакомое и в данный момент абсолютно ужасающее.

«Улыбнись и маши ручкой! Это-о-о друзья Смешарики!»

Громко. Задорно. На всю кабинетную тишину.

Ярослав Викторович замер.

Его пальцы остановились над клавиатурой. Он медленно, очень медленно поднял голову. Взгляд его упал на мою сум-

ку, из которой неслась веселая детская песенка, а затем перешел на мое лицо, на котором, я уверена, была написана вся глубина моего отчаяния.

– У вас... – он сделал паузу, подбирая слова, – ...на линии кто-то очень веселый.

– Это... Это не звонок, – пробормотала я, лихорадочно пытаюсь засунуть руку в сумку и нащупать телефон. – Это... будильник с ума сошел.

«Вместе весело шагать по просторам!» – продолжал орать из сумки Крош, не ведая, что рушит карьеру своей поклонницы.

– Будильник, – повторил он. В его глазах появилось что-то новое. Не раздражение. Не холод. Что-то похожее на чисто научный интерес к абсурду. – В десять утра. Как предугадать. А главное – вовремя.

Наконец-то мои пальцы нашли проклятый аппарат. Я выдернула его и с силой нажала на кнопку. Наступила блаженная тишина. Я стояла, держа в руке телефон в ярком силиконовом чехле с единорогом (подарок дочери), и чувствовала, как по щекам ползут алые пятна стыда.

Он откинулся на спинку кресла, сложил руки на столе и уставился на меня. Долгим, изучающим взглядом.

– Ковригина, – начал он наконец. – У меня к вам вопрос. Не по работе. Чисто из человеческого любопытства. Как вы... это все вообще успеваете? Утром – героическая битва с колесом. Потом – бурные диалоги с самой собой. Те-

перь – оповещение о начале хорошего дня от... кто это был? Смешариков? Когда вы, собственно, работаете? Или ваша жизнь – это один сплошной аврал, в который по недоразумению затесалась трудовая книжка?

Его тон был ровным, почти бесстрастным.

Но каждое слово било точно в цель.

Я сжала телефон так, что чехол затрещал. Внутри все кричало от унижения и злости. Но где-то в глубине, под всем этим, пробивался тонкий росток отчаяния. Потому что он, этот чурбан в идеальном пиджаке, только что сформулировал главный вопрос моей жизни. И у меня не было на него ответа.

Он ждал.

И в этой тишине, пахнущей дорогим деревом и безысходностью, я поняла, что сейчас от моего ответа зависит если не все, то очень многое.

Можно было расплакаться.

Можно было огрызнуться.

Но я посмотрела на свой телефон с дурацким единорогом, вспомнила Сережины ручонки и Катину упрямое личико, и где-то нашла остатки стержня, который когда-то был во мне.

Я выпрямила спину и подняла на него взгляд.

– Я успеваю, Ярослав Викторович, – сказала я тихо, но четко. – И отчет будет в порядке. Мой аврал за дверью этого кабинета. Здесь – я сотрудник. И вы свое списание получите. В срок.

Он смотрел на меня, не меняясь в лице. Потом медленно кивнул.

– Хорошо. Удалите тогда этот... героический саундтрек из своего телефона. Он мешает концентрации.

– Нет, – прошептала я и покачала головой.

– Вы уверены в своем ответе?

Глава 3. Я сама бы справилась.

– Вы уверены в своем ответе? – его бровь поползла вверх. Никакой злости, только нарастающее удивление и всё тот же научный интерес.

– Совершенно уверена, Ярослав Викторович, – голос окреп, перестал дрожать. Внутри что-то щелкнуло. Если уж сегодня был день тотального провала, можно хотя бы постоять за самое дорогое. – Это... это не просто звонок или будильник. Это будильник моей дочери, Кати. Она его сама поставила на мой телефон. «Чтобы мама на работе не грустила и улыбалась». Она считает, что Смешарики – лучшие психологи. Я не могу это удалить. Это мой щит. Мое напоминание о том, для кого я все это делаю. И знаете что? Иногда он действительно помогает.

Я произнесла это на одном дыхании, глядя ему прямо в глаза, ожидая взрыва, сарказма, приказа.

Но он молчал.

А потом... углы его губ дрогнули. Не нервный тик. Настоящая, чуть заметная улыбка тронула его строгие черты. Она была неожиданной и странно его преобразила – лицо стало моложе, менее каменным.

– Щит и напоминание, – повторил он задумчиво. – Оригинальная точка зрения. Не самая профессиональная, но... честная. Ладно, Ольга. Оставляйте своих ушастых психоло-

гов, - он махнул рукой, давая отмашку. – Идите. Работайте. И... Ковригина?

– Да?

– Сражаться за такую мелочь... Это требует характера. Уважаю. Теперь направьте этот характер на что-то полезное для магазина.

Я кивнула, не веря своим ушам, и почти вылетела из кабинета. На душе было странно: словно я прошла через испытание и неожиданно получила медаль «За мужество».

Настроение, подкрепленное этой маленькой, абсурдной победой, продержалось ровно до обеда.

В коридоре, возле кофейного автомата, меня перехватил Артем из отдела закупок. Гадкий, самоуверенный, с запахом дорогого парфюма, который пытался перебить запах его пошлых шуток.

– Оленька, одинокая и прекрасная! – радостно воскликнул он, блокируя мне путь. – Куда бежишь? Давай выпьем кофе, обсудим... перспективы.

– Артем, у меня обед ровно тридцать минут, и мне нужно все успеть, – попыталась я вежливо уклониться, делая шаг в сторону.

– Да брось ты эту свою работу, – он схватил меня за запястье, его пальцы сдавили кожу. – Такая женщина не должна пахать как лошадь. Я знаю, тебе тяжело одной. Давай я помогу... в моем арсенале есть масса способов.

– Я не сомневаюсь, - резко ответила я.

Его лицо приблизилось, дыхание пахло кофе и наглостью.

– Ну что, сладкая? Один поцелуйчик для начала?

Отвращение волной подкатило к горлу.

– Артем, отпусти меня. Сейчас же, – прозвучало холодно и решительно. Я попыталась вырвать руку, но он только сильнее сжал пальцы.

– И чего ты ломаешься? – его тон сменился с заигрывающего на раздраженный. – Разведенка с двумя малолетками, а нос задираешь. Кто на тебя, дойную корову, кроме меня позарится? Я делаю тебе одолжение!

В этот момент из-за угла появился Ярослав. Он шел, что-то объясняя своему заместителю, и его взгляд автоматически скользнул по нашей сцене. Увидел мое перекошенное от боли и гнева лицо. Увидел руку Артема на моем запястье.

Все произошло за секунды.

Ярослав не закричал. Он даже не ускорил шаг. Он просто изменил траекторию и встал рядом с нами, нависая над Артемом всей своей «горой в пиджаке».

– У вас какие-то проблемы с пониманием слова «нет», Семенов? – его голос был тихим, как шипение лезвия, рассекающего воздух. В нем не было крика. Была абсолютная, не оставляющая сомнений уверенность.

Артем вздрогнул и разжал пальцы, будто обжегшись.

– Ярослав Викторович! Мы просто... шутили...

– На рабочем месте не шутят, хватая сотрудниц за руки, – отрезал Ярослав. Его взгляд, холодный и тяжелый, пригвоз-

дил Артема к месту. – Это называется «недопустимое поведение». А то, что вы сейчас ляпнули... – он сделал паузу, – ...является оскорблением. Вы хотите, чтобы я оформил это официально? Или вам хватит устного выговора и необходимости принести Ковригиной публичные извинения прямо здесь, при свидетелях?

Лицо Артема побелело. Он забормотал что-то невнятное про «неправильно понял» и «больше не повторится».

– Извинения, – мягко напомнил Ярослав.

– Ольга, прости... Я был не прав... – выдавил Артем, не глядя на меня.

– Считайте, что вы сегодня отделались легким испугом, – сказал Ярослав. – Исчезните. И чтобы я больше никогда не видел ничего подобного.

Когда Артем, съезжившись, буквально сбежал, Ярослав повернулся ко мне. Его лицо было все таким же непроницаемым.

– Вы в порядке?

– Да, спасибо, – я потеряла запястье. Оно горело. – Я... Я сама бы справилась.

– Не сомневаюсь, – он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, что можно было принять за одобрение. – Вы уже сегодня доказали, что умеете постоять за себя. Но иногда... стороннее вмешательство экономит время и нервы. И очищает рабочее пространство от мусора.

Он посмотрел на своего зама, который наблюдал эту сце-

ну, слегка вытаращив глаза.

– Петр, продолжим в кабинете. Ковригина, идите обедать. И... смените, на всякий случай, пароль на этом кофейном автомате. А то некоторые думают, что он раздает не только кофе, но и право на хамство.

– Поменяю, – прошептала я, провожая взглядом удаляющуюся фигуру в темном пиджаке. Только теперь, кроме запыстий, казалось, горело все мое тело.

Глава 4. Личное дело Ковригиной О.А.

Ярослав Громов

Я вернулся в свой лофт. Он был безупречно чистым, выверенным до мельчайших деталей, залитым холодным светом встроенных светильников. Их мне идеально подобрал очень дорогой дизайнер, его услуги обошлись мне в круглую сумму. Я думал буду счастлив, но реальность оказалась иной. Сейчас здесь было слишком тихо... слишком пусто.

Я бросил ключи в блюдо на консоли – единственную вещь, которую Алиса не забрала, сочтя «безвкусицей». Она всегда знала толк во вкусе. И в деньгах. И в том, когда надо уходить, прихватив с собой пол-инвестиционного портфеля и самоуважение бывшего мужа.

Стерва.

Телефон завибрировал. Не звонок – серия сообщений. Сначала восторженные смайлики. Потом – «Ярик, нам нужно поговорить». Следом – «Это очень важно». И наконец, голосовое, на которое я машинально нажал, пока снимал пиджак.

– Ярослав... – голос Алисы был неестественно тихим, надтреснутым, будто она репетировала эту ноту. – Я... я сделала тест и по-моему я беременна. Я так испугалась... И толь-

ко сейчас поняла, какую ужасную ошибку совершила. Мы должны быть вместе. Мы можем все исправить, начать с чистого листа... Спасти нашу семью!

Тишина в лофте стала гуще.

Я смотрел на огни ночного города за панорамным окном.

Я позвонил.

Она ответила мгновенно.

— Ярик, ты прослушал? Ты понял?

— Я понял, что ты беременна, Алиса, – мой голос прозвучал ровно, без эмоций, кажется мне было плевать. – Поздравляю. Это, должно быть, волнительно.

— Не «поздравляю»! – в ее голосе появилась знакомая истерическая нотка. – Это наш шанс! У нас будет ребенок!

— У нас уже есть ребенок, – я сделал паузу, давая словам осесть, – это Лика. Ей пятнадцать. И у нас с тобой не было отношений уже больше года. Давай будем честны хотя бы в арифметике. Кто отец? Тот твой «партнер по галерее»? Или кто-то новенький?

В трубке повисло тягучее, обидное молчание.

— Ты... ты просто не хочешь брать на себя ответственность! – выдохнула она уже с привычной злостью.

— Ответственность, – я повторил это слово, и оно почему-то отозвалось в памяти совсем другим эхом. Ответственность. Стало не по себе, что я выругался. – Я взял на себя ответственность, когда ты ушла. За то, чтобы Лика не сломалась. За то, чтобы бизнес выстоял. Моя ответственность

теперь четко очерчена. И ты в ее границы неходишь. Удачи тебе, Алиса. И... вызови такси, если что. Не садись за руль.

Я положил трубку, не дожидаясь ответа. Звонок был последней нитью, и я ее перерезал. Чисто. Без крови. Только легкое онемение там, где раньше могла быть боль.

Я подошел к мини-бару, налил виски в тяжелый бокал. Но пить не стал. Просто держал в руке, ощущая холод стекла.

И тогда из тишины выплыл призрак. Не Алисы. Другой.

Маленькая, вся на взводе, в разорванных колготках, с гневом и обидой во взгляде. «Разведенка с двумя малолетками». «Дойная корова».

Слова этого ничтожного менеджера Семенова вдруг вернулись, но не его голосом. А с ясностью факта. Он пытался ее унижить, а описал... ежедневный подвиг. С которым она справлялась. Сама. Меняла колеса в машине. Отводила детей. И не меняла в телефоне детский будильник «для улыбки», потому что его поставила дочка.

«Это мой щит. Мое напоминание о том, для кого я все это делаю».

Удивительно.

Ее «щит» был громким, нелепым, абсолютно нефункциональным с точки зрения менеджмента. Но в нем была сталь. Та самая, которой не хватало позолоченным стенам моего лофта. Та, что заставила ее посмотреть мне в глаза и сказать «нет», когда я требовал его удалить.

Я поставил бокал. Не пить же за призрак.

Вспомнил, как она пыталась вырваться из хватки Артема. Не с плачем «оставьте меня», а с холодным «отпустите».

И как после всего, потирая запястье, заявила, что справилась бы сама. Наверное, справилась бы. Пнула бы его по голени, наорала. Получила бы выговор за нарушение корпоративного спокойствия. Но справилась бы.

Зачем я тогда вмешался?

Ради чистоты рабочего пространства, конечно. Хаос и хамство снижают производительность.

Но это была ложь. Прозрачная, как это окно.

Я увидел в ее глазах не просто гнев. Там была знакомая усталость. Усталость от того, что мир постоянно требует от тебя битвы. За место под солнцем. За уважение. За право просто спокойно дойти до кофемата. За решение стать матерью-одиночкой, на которую возможно будут смотреть косо и шептаться в спину.

И я... не выдержал.

Потребовалось всего три секунды, чтобы этот заученный, безупречный директор «Уюта» растворился, а на его место встал кто-то другой. Кто-то, кто помнил, каково это – быть человеком. Настоящим мужчиной.

Я потянулся к телефону, чтобы проверить рабочие письма. Рука сама вывела в поиске внутренней базы: «Ковригина О. А.»

Открылось личное дело. Скучные данные, но даже этого хватило.

27 лет, высшее торговое образование, коммерция и маркетинг. Сейчас работает на должности - мерчендайзер.

Двое детей. Возраст: Год и четыре. Боже.

Ипотека на двадцать лет. Стаж работы в гипермаркете "Уют" – два месяца.

Я выключил экран.

Бессмысленно. Непрофессионально.

Но образ не уходил. Не ее, а... общий.

Картинка: строгий, вечно собранный директор «Уюта» (именно так, с иронией, думала она обо мне, я был уверен) – и этот нелепый, яркий чехол с единорогом в ее руке. И эти несчастные Смешарики, орущие о дружбе посреди кабинета, где обычно обсуждали маргинальность и логистику.

Уголки моих губ снова дрогнули. Не нервный тик. Почти улыбка.

«Уважаю», – сказал я ей тогда.

Странное слово. Не «хорошо», не «принято к сведению». Уважаю.

Я уважал ее упрямство. Ее щит. Ее тонущий корабль, с которого она не сбежала, а продолжала отчаянно вычерпывать воду, сохраняя на палубе смешных пластиковых единорогов.

Я подошел к окну. Где-то там, в этом городе, в какой-то, наверняка, не самой благополучной квартире, она сейчас укладывала своих «малолеток». Читала сказку. Гасила свет.

И, возможно, в тишине детской комнаты наконец позволяла себе выдохнуть.

А здесь, в моей безупречной, вымершей крепости, было тихо. Слишком тихо.

Я поймал себя на мысли, что впервые за долгие месяцы эта тишина не казалась победой. Она казалась... просто тишиной. Пустым местом, где даже эхо не задерживается.

Я повернулся от окна, погасил основной свет. Оставил только тусклую бра над баром.

И в полумраке лофта, где все было расставлено по полочкам, внезапно очень четко прозвучала в голове веселая, навязчивая мелодия.

«Улыбнись и маши ручкой! Это-о-о друзья Смешарики!»
– Черт тебя побери, Громов!

Глава 5. У мамы полный бак... усталости.

Утренняя эйфория от «победы» и болезненное унижение после инцидента с Артемом быстро улетучились. К вечеру осталась лишь знакомая усталость, свинцом давившая на плечи и виски. Но дома меня ждал надежный «щит», и нужно было туда добраться.

Моя машинка-хэтчбек вздохнула и потащила в сторону детского садика. В голове вертелись обрывки фраз: «дойная корова»... «очень понимаю того, кто сбежал»... и вдруг, совершенно не к месту, – «уважаю».

Я тряхнула головой, пытаясь сбросить наваждение. Нужно переключаться. Сейчас я не сотрудник «Уюта». Я – мама, идущая на встречу со своей маленькой бунтаркой.

За дверью группы царил привычный хаос.

Воспитательница Марина Ивановна, женщина с лицом вечного подвига, пыталась натянуть куртку на вертлявого Ваню. А в центре комнаты, на стульчике, восседала моя дочь. Катя в одной сандалиии на правой ноге и валеночке на левой, с плюшевым зверьком Лабубу в обнимку, вела с Мариной Ивановной важные переговоры.

– Я не пойду, – заявила она, глядя игрушку по голове. – Лабубу сказала, что она устала. Ей нужен сок. Пепельсино-

вый. И тогда она, возможно, согласится надеть втолую валенку.

– Катюша, мама уже пришла, – взмолилась воспитательница, бросая на меня спасительный взгляд.

– Мама тоже устала, – парировала Катя, кивая мне с серьезностью сорокалетней переговорщицы. – У нее тоже, навелное, сока нет.

– О, у мамы полный бак... усталости, – фыркнула я, подходя и опускаясь на корточки. – Привет, командир. Какие условия у Лабубу для окончания боевых действий?

Катя прищурилась, оценивая мою боеготовность.

– Пепельсиновый сок. Тли колобки. И... печенье. То, котолое с мишкой.

– То, котолое с мишкой закончилось утром, когда ты им завтракала, – напомнила я. – Но у нас есть то, которое круглое с дырочкой. И молоко. И дома ждет бабушка с Сережей.

Мысли о бабушке и младшем брате произвели на Лабубу, судя по всему, впечатление. Катя наконец позволила надеть на себя второй валенок и зимнюю куртку, но только при условии, что звереныш поедет домой не в сумке, а у меня на голове.

– Ей так виднее, – закончила дочь и позволила надеть на нее шапку.

Дорога домой, как всегда, включала в себя экстренный заезд в магазин. Список обычно был коротким: хлеб, молоко, фрукты, что-то на ужин. Катя, восседающая в тележке вер-

хом вместе с Лабубу, тут же взяла на себя роль консультанта.

– Мама, смотли, какие сосиски! – тыкала она пальцем в витрину. – Лабубу говорит, они волшебные. От них зубы растут.

– У Лабубу зубов полный рот, ему хватит, – отбивалась я, хватая с полки творог.

– А это? – она уже показывала на полку со сладостями. – Это чтобы не грустить. Ты же сегодня грустная. Я вижу.

Я остановилась и посмотрела на нее. На ее большие, внимательные глаза, в которые, казалось, можно было увидеть все. И вдруг комок подкатил к горлу. От этой простой детской прямоты.

– Я не грустная, солнце мое. Я просто... думающая. Но с тобой и Лабубу думается веселее, – улыбнулась я, щекоча ее. Она захихикала в голос, и на секунду тяжесть в плечах действительно стала легче.

Когда мы, нагруженные пакетами, наконец ввалились в нашу маленькую прихожую, меня встретил знакомый, уютный хаос. Пахло детским кремом, супом и... свежими пряниками.

– Мама! Мы дома! – крикнула я, сбрасывая обувь.

Из кухни высунулась улыбающаяся мама. На ее фартуке красовалось пятно, очень похожее на морковное пюре, а в руках она держала ложку.

– Наконец-то! – выдохнула она с облегчением. – А то у меня тут один товарищ объявил забастовку. Отказывается

есть кашу, требует исключительно ложку побольше и песни погромче.

За ее спиной, в своем стульчике, восседал Сереженька. Щеки размазаны кашей, в кулачке зажата погремушка, а глаза – мои собственные, серые и настороженные – смотрели на меня с немим укором. Увидев меня, он хлопнул ладошкой по столику, и каша брызнула во все стороны.

– Ма-ма-ма-ам! – произнес он четко и требовательно.

Это было привычное слово, которое он произносил, когда видел меня. Вся усталость, весь сегодняшний позор и гнев – все разом улетучилось. Я бросила пакеты, подбежала и прижала его, липкого и пахнущего молоком, к себе.

– Он целый день тренировался, – улыбнулась мама, вытирая руки. – Тебя ждал.

В эту секунду что-то щелкнуло. Не в голове. В сердце. Резко и болезненно. Это была не просто радость. Это было осознание хрупкой, нерушимой связи. Той самой, которую кто-то непонимающий может назвать «прицепом». Той, за которую можно и нужно сражаться.

Я держала Сережу, слышала, как Катя в гостиной уже разговаривает с телевизором от имени Лабубу, чувствовала мамино спокойное присутствие на кухне. И в этой моей крошечной, шумной, идеальной вселенной вдруг снова возникло чужое, резкое воспоминание. Не хамский голос Артема. А тихий, уверенный голос, сказавший Семенову: «Исчезните. И чтобы я больше никогда не видел ничего подобного.»

Я замерла, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Почему оно заколотилось именно сейчас? Почему этот образ – темный пиджак, прямая спина, жесткий взгляд – ворвался сюда, в мое самое безопасное место?

Мама, словно почувствовав перемену, обернулась.

– Оля? Что-то случилось?

Я покачала головой, целуя Сережу в макушку.

– Нет, мам. Все в порядке. Просто... – я искала слова, глядя в окно, за которым сгущались вечерние сумерки. – Просто сегодня был странный день. Один человек... очень странно меня защитил.

И тут зазвонил телефон. Не тот, детский, со Смешариками. А мой личный. Незнакомый номер.

Я передала Сережу маме, с предчувствием взяв трубку.

– Алло?

– Ольга? Это Петр, заместитель Ярослава Викторовича, – прозвучал в трубке официальный, слегка взволнованный голос. – Мы с вами встречались сегодня... Извините за звонок после работы, но возникла срочная ситуация. Не могли бы вы... вернуться в магазин? Сейчас. Ярослав Викторович просил передать, что это... очень важно. И что вам лучше взять с собой сменную одежду.

Я замолчала, глядя на маму, на детей, на теплый свет кухни.

– Сменную одежду? – переспросила я тупо. – Что случилось?

В трубке послышался вздох.

– Произошел... инцидент. С системой пожарной безопасности в вашем отделе. Вода. Много воды. Ярослав Викторович лично на месте, он... – Петр снова запнулся, – ...он сказал, что весь товар в воде и только вы сможете во всем этом разобраться.

Глава 6. Его взгляд был устремлён прямо на меня

Звонок оборвался, а в голове застучал молоток одной-единственной мысли:

«Не могу. Я не могу туда ехать».

Я обернулась.

Мама, не отпуская Сережу, смотрела на меня с немым вопросом. Катя выбежала из комнаты, таща за ухо Лабубу:

– Мама, мы будем смотреть мультики?.

За окном уже стемнело, в стекле отражалась наша теплая, уставшая вселенная. Ехать обратно в город, на другой конец, в этот холодный, огромный магазин... Тело кричало от протеста. Мышцы ныли, веки слипались.

«Они справятся без меня, – пыталась убедить себя я. – Там целый штат. Мерчендайзеров полно.

Но тут же, холодной змеей, подполз другой, более страшный довод. Голос Ярослава Викторовича, звучащий в памяти беззвучно, но отчетливо:

«Направьте этот характер на что-то полезное для магазина».

А если не поеду? Если проигнорирую срочный вызов, особенно когда «очень важно»? Когда сам директор на месте? Тот самый, который сегодня видел мой «героизм» и неуваже-

ние к Артему. Первой мыслью будет: «Ненадежная. Неблагонадежная. Семья всегда важнее работы».

Ипотека!!!

Эта цифра, которая висела над нами дамокловым мечом каждый месяц, будто шевельнулась, наклонилась пониже. Без этой работы... Без даже этой скромной, но стабильной зарплаты... Мы продержимся месяц, от силы два. Потом – долги, звонки, страх. А дети...

— Мам, – голос мой прозвучал хрипло. – Мне... надо ехать. На работу. Кажется, у нас ЧП.

Лицо мамы стало печальным, но не удивленным. Она лишь вздохнула, прижала Сережу крепче.

— Езжай, дочка. Мы тут справимся. Катюша, идем, я тебе сказку расскажу особенную, про принцессу и дракона!

— Мама тоже пойдет? – спросила Катя, цепко хватая меня за край кофты.

— Мама – супергерой, – сказала я, целуя ее в макушку, чувствуя, как внутри все обрывается. – Она быстренько победит потоп. И совсем скоро вернется.

Дорога назад в «Уют» была сном наяву.

Я мчалась по темным улицам, в голове роились кошмарные картины: затопленные залы, миллионные убытки, мое увольнение одним махом. Свой отдел... если вода хлынула там, где стоят дорогие душевые кабины и эксклюзивная сантехника... Меня выгонят даже без выходного пособия.

Подъехав к служебному входу, я увидела непривычное

оживление. Горел свет, стояло несколько машин. В животе все сжалось. Значит, правда, все серьезно.

Я толкнула тяжелую дверь на склад – и замерла на пороге.

Картина, открывшаяся мне, была одновременно хаотичной и организованной. Пол, действительно, блестел лужами и мокрыми следами. В воздухе висела прохладная сырость. Это был настоящий хаос. Но я сжала зубы и вошла внутрь.

Несколько человек из разных отделов – я узнала двоих грузчиков, девушку из бухгалтерии, Петра – методично, как муравьи, переносили коробки с товаром с промокших поддонов на сухие. Работали молча, сосредоточенно. И в центре этого, сняв пиджак и галстук, был он.

Ярослав Викторович.

Но не тот, каменный директор в безупречном костюме, которым я его знала. Рубашка была расстегнута на две пуговицы, рукава засучены до локтей, открывая предплечья с напряженными мышцами. Темные брюки были закатаны, открывая мокрые щиколотки и туфли, которые явно промокли насквозь. Он стоял, слегка согнувшись, и одной сильной рукой стаскивал тяжелую коробку с промокшего картона. Капли пота стекали по виску, падая на мокрый пол. Его лицо было собрано, сосредоточено, без тени привычного холодного раздражения. Оно было... живым. Напряженным от реального, физического усилия, а не от офисных интриг.

Я невольно залюбовалась этой картиной.

Власть здесь измерялась не приказами, а тем, кто первый

взялся за самую тяжелую и мокрую работу. В этом не было пафоса. Была простая, грубая мужская ответственность.

— Ковригина, наконец-то, – его голос, немного хриплый от напряжения, вывел меня из ступора. Он выпрямился, проводя тыльной стороной ладони по лбу. – Переоденьтесь и – к тем стеллажам. Нужно сортировать: что можно спасти – на просушку, что нет – в брак. Вы же в этом лучше всех разбираетесь.

Я кивнула и, пробежав в подсобку, натянула прихваченные на всякий случай старые джинсовые шорты, простую белую футболку и резиновые сапоги с дачи. Вернувшись, я включилась в работу автоматически, мозг переключился на знакомые алгоритмы: осмотреть, оценить упаковку, принять решение.

Я приседала, наклонялась, тянулась к верхним полкам, полностью погрузившись в процесс, забыв и об усталости, и о том, кто стоит в двух метрах от меня.

А потом, я почувствовала на себе чей-то взгляд.

Тяжелый, пристальный.

Как в его кабинете утром, но... другой. Без холодной оценки. Я машинально выпрямилась, поправила футболку, которая отсырела и неприятно прилипла к спине. Когда я обернулась, чтобы взять следующую коробку, наши взгляды встретились.

Он стоял неподвижно, держа в руках тяжёлую картонную коробку, но, казалось, не замечал её веса. Его взгляд был

устремлён прямо на меня. Не мимо, как обычно, а именно на меня. В его глазах читалась странная сосредоточенность. Взгляд скользил не по моему лицу, а вниз, по фигуре. Влажная ткань и облегающие шорты подчёркивали с неприличной откровенностью.

Меня будто обдали кипятком. Стыд вспыхнул где-то под рёбрами.

«Я же в том, в чём копаюсь на даче!»

Но стыд тут же сменился возмущением. Как он смеет? После его высокомерных «никогда не женился бы на такой»? Теперь он рассматривает меня, как товар на полке?

И тут я увидела его лицо. По-настоящему. В его взгляде читалось не похоть, а шок. Как будто он увидел что-то, чего категорически не ожидал. Его дыхание сбилось. Он не пожимал меня глазами. Он... растерялся.

А потом он резко отвернулся. Сжал кулаки и с силой рванул следующую коробку, будто пытался физическим трудом сжечь навязчивую мысль.

И я поняла.

Мое возмущение ушло, оставив странную пустоту и... едва уловимое удовлетворение. Он увидел. Не «разведёнку с прицепом». А просто женщину. И это вывело из строя его безупречную логику.

Я медленно повернулась к стеллажам. Щёки горели, но в уголках губ дрожала тайная улыбка. Я взяла следующую коробку, и мои движения стали чуть более плавными, осознан-

НЫМИ.

Работа закипела с новой силой. Мы трудились ещё часа полтора, почти не разговаривая, только отдавая короткие указания. Постепенно самый большой завал был разобран, промокший товар изолирован. Наступила тишина, нарушаемая лишь каплями воды с потолка. Все стояли, переводя дух, уставшие, но с чувством выполненного долга.

Я вытерла пот со лба тыльной стороной ладони, как до этого делал он. И в этот момент его голос, снова обрётший привычную суховатую интонацию, раздался в тишине склада, обращаясь ко всем:

— Всем спасибо. На сегодня хватит. Завтра с утра продолжим. Идите, отдыхайте.

Люди стали потихоньку расходиться.

Я потянулась, чувствуя, как ноет каждая мышца, и собралась было к выходу.

— Ковригина, – спокойно остановил он меня. Я обернулась. Он стоял в своей растрёпанной рубашке и смотрел на меня привычным, аналитическим взглядом. – Вы сегодня хорошо справились. Для человека, который утром утверждал, что не умеет планировать нештатные ситуации, ваша организованность оказалась вполне приемлемой.

— Спасибо, Ярослав Викторович, – кивнула я, пряча улыбку.

— Завтра к восьми, – бросил он через плечо, возвращаясь к беспорядку. – И, Ковригина, наденьте что-нибудь менее...

отвлекающее. Петр чуть не уронил ящик с гайками себе на ногу, пока вы доставали что-то с верхней полки. Так недолго и весь отдел отправить на больничный.

Глава 7. Вы отбивались от орды варваров?

Если вчерашний день был тренировкой на выживание, то сегодняшнее утро было полноценными боевыми учениями на два фронта: детском и бывшемужнем.

Все началось в пять утра с того, что Сережа, видимо, решив, что мама слишком долго спит, устроил сольный концерт на тему «Ма-маа-маам! Хочу на ручки! Сейчас же!».

Катя, разбуженная братом, не стала отставать и заявила, что завтракать будет только «тот самый ёгулт с зёзиком», которого, разумеется, в холодильнике не оказалось.

Пока я пыталась уговорить ее на кашу, объясняя, что ежики ночью убежали в лес, Сережа умудрился снять с себя подгузник и с художественным размахом изрисовать содержимым прутья кровати.

Мылись, одевались и завтракали под аккомпанемент моего внутреннего счетчика, безжалостно отсчитывающего минуты до выхода. Катя наотрез отказалась надевать «эти колючие колготки» и требовала юбку, как у «той тети из мультика».

Сережа, облаченный в чистый комбинезон, тут же плюнул в него манной кашей.

И тут, как по злому расписанию, зазвонил телефон.

Незнакомый номер, но голос я узнала с первой презрительной ноты.

– Оленька, радость моя, узнала?

Сердце упало куда-то в сапоги. Мозг лихорадочно сообщал: что ему надо? Деньги? Хочет забрать детей на выходные, чтобы сорвать все мои планы? Или просто поиздеваться?

– Я занята, Леш, детей собираю, – коротко бросила я, придерживая телефон плечом и пытаюсь вытереть Сереже лицо.

– Всегда ты занята, – усмехнулся он. – Слушай сюда. Я в субботу не смогу взять Катю. Дела.

В трубке слышались приглушенные женские смешки. «Дела».

Я закрыла глаза, чувствуя, как сжались кулаки. Он не просто срывал планы. Он демонстративно показывал, что его новая жизнь и «дела» важнее обещаний собственным детям.

– Ты же обещал ей поездку в зоопарк, – сквозь зубы прошипела я.

– Значит, перенесем. Или сама своди. Ты же у нас супер-мама, – язвительно сказал он.

– А ты тогда кто, Леш? Олень?

– Не понял! Это ты на что намекаешь? Что у меня типа рога выросли?

– А ты посмотри в зеркало, вдруг проклевываются?

Я вздохнула и положила трубку. Сжала трубку в руках и почувствовала, как ярость и беспомощность образуют в гор-

ле плотный ком.

Катя, похоже все слышала, потому что надула губки и тихо сказала:

– Папа опять не плиедет, да?

В этот момент хотелось разбить что-нибудь. Но разбивать было некогда. Ипотека, детский сад и “любимая” работа ждали.

В садик мы примчались, как обычно, в последние минуты перед закрытием дверей. Катя, хмурая и обиженная на весь мир, еле-еле попрощалась.

Я рванула в сторону «Уюта».

На часах было восемь часов.

Вроде и встала рань страшную, а опять опаздываю на пятнадцать минут.

Блин. Блин. Блин.

Кажется, немного, но в то же время, каждая минута опоздания это потерянные деньги гипермаркета “Уют”.

Все мысли в голове перемешались: лицо Кати, полное разочарования, голос бывшего мужа, промокший склад и фраза босса: «Наденьте что-нибудь менее отвлекающее».

В порыве странного вызова я сегодня надела самый строгий и невыразительный костюм, какой у меня был – темно-серые брюки и простой черный свитер.

«Вот, полюбуйте, совсем не отвлекаю».

Я влетела в гипермаркет с парадного входа, пролетая мимо удивленных охранников. Мне нужно было срочно отме-

титься и бежать на склад. Сердце бешено колотилось, в висках стучало. Я неслась по главному проходу, не разбирая дороги, и на повороте за стеллажом с посудой...

БАМ!

Я впечаталась во что-то твердое, теплое и очень большое. Сила инерции была такой, что я отскочила бы и рухнула на пол, если бы не пара сильных рук, которые рефлекторно схватили меня за плечи, удерживая на месте.

В нос ударил знакомый, едва уловимый запах хвойного парфюма, смешанный сейчас с ароматом свежесваренного кофе.

Голова закружилась.

Я медленно подняла взгляд.

Передо мной, не выпуская моих плеч из своих рук, стоял Ярослав Викторович. В своем безупречном пиджаке и белой выглаженной рубашке. На его лице застыло выражение крайнего изумления.

Мы замерли.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я, вероятно, выглядела как загнанный олень – с диким взглядом, растрепанными волосами и грудью, вздымающейся от бега.

– Ковригина? – произнес он наконец, и его голос прозвучал грубовато от неожиданности. – Это что, так решили отметить начало рабочего дня? Штурмом?

– Я... Я бежала, – выдавила я, безуспешно пытаюсь отдышаться и вырваться из его захвата. Его пальцы чувствова-

лись сквозь ткань свитера, твердые и горячие. – Я... опоздала. Простите. На складе уже начали? Я бегу туда...

Он не отпускал.

Его взгляд, сначала изумленный, стал аналитическим. Он окинул меня беглой, но очень внимательной оценкой. взъерошенные волосы, отсутствие макияжа, паника в глазах. Он видел не просто опоздавшего сотрудника. Он видел следы утренней битвы.

– Успокойтесь, – сказал он на удивление мягко, наконец разжимая пальцы. Я почувствовала, как по моим плечам, где только что была его хватка, пробежали мурашки. – Склад под контролем. Выдыхайте. Вы выглядите так, будто только что отбивались от орды варваров, а не собирали детей в сад.

Я ничего не ответила, просто дышала, чувствуя, как адреналин понемногу отступает, оставляя после себя жгучее чувство стыда и полнейшей нелепости происходящего.

Он поднес руку к подбородку, не сводя с меня глаз. Потом медленно, очень медленно, его взгляд скользнул вниз по моему «совсем не отвлекающему» свитеру, который после столкновения как-то сместился, обрисовывая линию плеч и груди.

Его взгляд задержался там на долю секунды, а затем снова поднялся к моему лицу.

В его глазах, рядом с холодной оценкой, промелькнула тень чего-то странной, почти незаметной искорки.

– Что ж, – сказал он наконец. В его голосе впервые за наше

знакомство прозвучала едва уловимая, но отчетливая нота... сарказма? – Похоже, ваше утро прошло успешно. Поздравляю. А теперь идите на склад... И, Ковригина...

Я замерла, ожидая новой колкости.

– По дороге зайдите в подсобку, – продолжил он и показал рукой на мои волосы. – Причешитесь. А то работники склада решат, что мы наняли для разбора завалов не сотрудницу, а... русалку, выброшенную штормом на берег.

Глава 8. Я тебе точно говорю, он на тебя запал.

Слова «выброшенная штормом русалка» звучали у меня в голове еще долго после того, как я наконец добралась до склада. И это было куда приятнее, чем «дойная корова». По крайней мере, в русалках есть хоть какая-то романтика и загадочность.

Я попыталась привести в порядок волосы в подсобке, но результат напоминал скорее «я упала с самосвала, тормозила головой», чем «влажные локоны морской девы». Ладно, итак сойдет.

Работа на складе шла полным ходом. Запах сырости стал слабее, но не исчез. Петр, тот самый обладатель легко ранимого внимания, кивнул мне с видом мученика:

— Оль, на тебя сегодня можно молиться. Принесла с собой хоть немного солнца? А то тут сырость, товар мокрый, настроение у всех – ниже плинтуса.

— Солнца у меня всегда в избытке, – отозвалась я, снимая пиджак. – А еще я могу предложить профессиональную оценку степени намокания картонных коробок и искреннее сочувствие.

Мы погрузились в работу. Было тяжело, грязно, но уже без вчерашней паники. Мы работали слаженно, как команда,

перебрасываясь короткими фразами. Временами даже раздавался смех – кто-то из грузчиков пошутил, что нашел в коробке не прокладку, а «плавательное средство для таракана».

Самым неожиданным открытием утра стало то, что Ярослав Викторович появлялся на складе регулярно. Не для контроля, а чтобы помочь с самыми тяжелыми паллетами. Он не командовал, а просто брал и делал, с той же сосредоточенной серьезностью. И каждый раз, когда он входил, в воздухе что-то менялось. Разговоры становились чуть тише, смех – сдержаннее, а спина у Петра необъяснимо выпрямлялась.

Во время обеда в столовой слухи поползли сами собой.

Мы сидели за столом с парой девчонок из отдела кадров, Леной и Ирой, а также с нашим грузчиком-философом Васей.

— Вы слышали, – Лена понизила голос, делая загадочные глаза, – говорят, утром Ольга так врезалась в Ярослава Викторовича в полном разбеге, что чуть не сбила его с ног.

— Ага, – подхватила Ира, – а он ее не отругал, а спросил, не русалка ли она, выброшенная штормом. Я сама мимо шла и все слышала.

Я почувствовала, как краснею.

— Да бросьте вы, – зашипела я. – Он просто констатировал факт. Что я влетела в него, как торпеда. И волосы у меня, по его мнению, как у русалки после шторма. Всё.

— Ой, конечно, — не поверила Лена и махнула рукой. — Просто так. Обычно после таких «торпед» он сразу предлагает написать объяснительную, вежливо, но твердо. А тут... русалка. Я тебе точно говорю, он на тебя запал.

— Может и заметил, чтобы потом уволить с особым цинизмом? — мрачно пошутила я, но внутри что-то екнуло. Мысль о том, что кто-то мог заметить это странное внимание, была одновременно пугающей и... щекочуще-приятной.

— Да ну, — отмахнулась Ира. — Слушай, если что, ты только сразу рассказывай. У нас тут уже год как никто не видел, чтобы он на кого-то дольше трех секунд смотрел. Кроме разве что на графики продаж.

Мы посмеялись, но семя сомнения было посеяно. И когда после обеда я, протирая пыль с уцелевших образцов сантехники, снова почувствовала на себе его взгляд, мне стало не по себе.

Я обернулась. Он стоял у входа, обсуждая что-то с завхозом, но его глаза были явно прикованы ко мне. Не к моей работе, а ко мне. В этом взгляде не было вчерашнего шока. Был все тот же аналитический интерес, но теперь с примесью... любопытства?

Я быстро отвернулась, сердце застучало как сумасшедшее.

«Русалка, выброшенная штормом». А шторм, кажется, только начинался. И самым странным было то, что я, похоже, уже не хотела от него уплыть.

Вдруг рядом раздался его голос, тихий, так что слышала только я:

— Ковригина, вы тут с образцами закончили?

— Да, Ярослав Викторович, – ответила я, не оборачиваясь, протирая последний образец, – закончила.

— Отлично. Тогда, как освободитесь, пройдите в мой кабинет. Мне нужна ваша помощь с одним... нестандартным вопросом по ассортименту.

Он развернулся и ушел, оставив меня в легком недоумении.

«Нестандартный вопрос по ассортименту»?

Это звучало как откровенная отмазка. Что ему от меня нужно?

Я встретила взглядом с Петром, который наблюдал за этой сценой. Он многозначительно поднял бровь и сделал вид, что роняет воображаемую гайку. Я хмыкнула, вспомнив вчерашний вечер и упавший ящик с инструментами.

Я вздохнула, поставила последнюю блестящую смесительную колонну на полку и медленно направилась к выходу со склада.

Что бы это ни было – выговор за утренний штурм и столкновение, странный комплимент или действительно рабочий вопрос – я чувствовала, что приближаюсь к чему-то важному.

И к своему удивлению, я была не столько напугана, сколько заинтригована. Русалка вышла на сушу. Интересно, что

ждет ее в капитанской каюте?

Когда я постучала в дверь своего начальника, то сразу услышала приглушенное: “Войдите”.

– Вызывали, Ярослав Викторович? - тихо спросила я, нервно закусывая губу и глядя на его галстук. Поднимать глаза выше было неловко, иначе я точно покраснею.

– Присаживайся, Ковригина. Нам предстоит серьезный разговор.

Глава 9. Недвусмысленное "Ой".

Я осторожно опустилась на край стула, готовясь к худшему. Серьезный разговор с Боссом никогда не сулил ничего хорошего. Может, он все-таки решил уволить меня за утренний инцидент?

Мурашки бежали по спине и сердце билось так часто, что потели ладошки.

Ярослав Викторович откинулся в кресле, сложив руки на столе. Его лицо было непроницаемым.

— Ковригина... эмм... Ольга, я внимательно слежу за работой отдела. Особенно после вчерашнего ЧП. И должен отметить вашу оперативность, хладнокровие и... нестандартный подход к решению задач.

Я замерла.

Это... звучало как начало выговора, сказанного через силу.

«Нестандартный подход» – это когда я влетела в него, как торпеда?

— Я просто делала свою работу, – пробормотала я, глядя на свои руки. Кажется, им срочно нужен маникюр.

— Именно. И делали ее лучше, чем кто-либо другой в похожей ситуации. Ваша способность быстро оценить ущерб и организовать сортировку спасла магазин от значительных потерь. Петр предоставил весьма положительный отчет о ва-

ших действиях.

Петр? Тот самый, чье «внимание» было так легко ранимо? Я чуть не фыркнула, но сдержалась.

— Спасибо, – выдавила я, все еще не понимая, к чему он клонит.

— Поэтому я принял решение, – продолжил он, и в его голосе впервые появились нотки чего-то, кроме холодной оценки. – Со следующего месяца вы назначаетесь старшим мерчендайзером вашего сектора. В ваши обязанности будет входить контроль за выкладкой, проведение инвентаризаций и координация работы двух новых сотрудников. Разумеется, с соответствующим повышением оклада.

В голове у меня на секунду воцарилась полная тишина, а потом будто грянул фейерверк.

Повышение. Оклада. Старший мерчендайзер.

Эти слова отскакивали от стен моих мыслей, как мячики. Это была не просто похвала. Это был спасательный круг, брошенный прямо в бушующее море моих ипотек и детских нужд. Слезы благодарности и дикого облегчения предательски подступили к горлу.

— Я... Я не знаю, что сказать... – прошептала я, наконец подняв на него глаза. В них, кажется, мелькнула та самая, едва уловимая искорка.

— «Спасибо» обычно говорят в таких случаях, – сухо заметил он, но уголки его губ дрогнули. Он поднялся из-за стола. – Поздравляю, Ковригина. Вы это заслужили.

Он сделал шаг ко мне и, вопреки всем ожиданиям от этого всегда сдержанного человека, протянул руку для рукопожатия. Делового, профессионального.

Мой мозг, перегруженный эмоциями, на секунду отключился. Я тоже вскочила со стула, чтобы ответить на жест, но нога заплелась за ножку, и я сделала неловкий, резкий шаг вперед. Моя рука, вместо того чтобы плавно встретить его, метнулась куда-то вбок от волнения и неловкости.

И в этот момент время замедлилось.

Мои пальцы, вместо того чтобы обхватить его ладонь, на полном ходу мягко, но совершенно недвусмысленно уперлись во что-то твердое, теплое и расположенное явно ниже пояса его идеально отутюженных брюк.

– Ой...

А затем, после моего недвусмысленного “ой” в кабинете повисла гробовая тишина.

Я почувствовала, как под моими пальцами мышцы живота Ярослава Викторовича резко напряглись, превратившись в камень. Мой взгляд, ужасаясь, медленно пополз от его галстука вниз, к месту «контакта», а затем вверх, к его лицу.

На его обычно бесстрастном лице читалось абсолютное, всепоглощающее потрясение. Его глаза были широко раскрыты, брови взлетели к волосам. Он выглядел так, будто его только что ударили током, но не больно, а... крайне неожиданно.

— О БОЖЕ! – выдохнула я не своим голосом, отдерги-

вая руку, как от раскаленной сковороды. Жар, пылающий на щеках от смущения, мгновенно сменился ледяным ужасом. – Я... я простите... я не... нога... я...

Логические связи в моей голове разорвались. Единственной мыслью, яркой и панической, было: БЕГИ.

Не дожидаясь его реакции, которая могла быть любой – от гнева до звонка в службу безопасности – я развернулась и буквально вылетела из кабинета, хлопнув дверью. Я мчалась по коридору, не видя ничего перед собой, слыша лишь бешеный стук собственного сердца и внутренний вопль:

«Ты только что похлопала директора по причинному месту! По причинному месту! На собеседовании о повышении! Ты идиотка! Карьера окончена!

Я ворвалась в дамскую комнату, захлопнула кабинку и, прислонившись лбом к прохладной двери, попыталась отдышаться. Стыд был таким всепоглощающим, что хотелось провалиться сквозь землю.

«Поздравляю, ты старший мерчендайзер. Самый позорный старший мерчендайзер в истории розничной торговли», – ехидно прошептал внутренний голос.

А потом, сквозь панику, пробилась другая мысль.

А что, если... он все-таки не уволит? Ведь он же сам сказал, что я это заслужила. И он протянул руку... правда, я попала не совсем туда.

Я закрыла глаза и фыркнула.

Сквозь ужас пробивался дикий, истерический смех. Ну

что ж, Ярослав Викторович хотел нестандартного подхода к решению задач? Поздравляю, он его получил. В полном объеме.

Интересно, напишет ли он в приказе о повышении:

«Назначить старшим мерчендайзером Ковригину О.В., отличившуюся не только профессиональными навыками, но и... исключительной точностью невербального взаимодействия с руководством»?

Я отрицательно покачала головой, а потом произнесла вслух:

– Он точно меня уволит.

Глава 10. Гордость или крыша над головой моих детей

Я сидела в кабинке, пытаясь сдержать смех, который вот-вот мог перерасти в истерику, когда в кармане завибрировал телефон. С экрана смотрел незнакомый номер с кодом города. Обычно я такие не беру, но сейчас, в полуобморочном состоянии, нажала ответ, автоматически.

— Алло? – голос мой еще дрожал от пережитого.

— Добрый день, Ольга Антоновна, это вас из Сбербанка беспокоят. С вами говорит Анна, специалист по взысканию задолженности, – прозвучал вежливый, но неумолимый женский голос.

Всё внутри меня похолодело. Смех и стыд мгновенно испарились. Мурашки пробежали по спине, и я замерла.

— Здравствуйте, – выдавила я, стараясь сдержать панику.

— Я вам звоню по вашему ипотечному договору. У вас накопилась критическая просрочка в три месяца. Мы неоднократно направляли вам уведомления.

— Да я знаю, просто... – попыталась реабилитироваться я, но женщина меня не слушала.

— В случае если полная сумма долга, включая пени, не будет погашена в течение десяти рабочих дней, банк будет вынужден инициировать процедуру принудительного взыска-

ния залогового имущества через суд. Проще говоря, – голос стал еще более гладким, – вас ждет выселение.

Мир вокруг поплыл. Стены кабинки внезапно показались слишком близкими. Я слышала слова, но их смысл доходил обрывками: «критическая просрочка»... «выселение»... «суд».

— Я... Я понимаю. У меня сложная ситуация, – начала я, чувствуя, как предательская дрожь пробирается в голос. – Но я же вношу что могу... Я нашла новую работу, мне обещали повышение...

— Я все понимаю, Ольга Антоновна, – безжалостно парировала Анна. – Банк рассматривает только факты. Десять дней. Все детали отправлены смс. Хорошего вам дня.

Связь прервалась. Я опустила телефон и уставилась в одну точку на двери. Выселение. Куда? С двумя детьми, с мамой? На улицу? В голове пронеслись картинки: чемоданы на лестничной клетке, Катин испуганный взгляд, Сережин плач в незнакомом месте. А ипотека... это же все, что у нас есть. Последняя крепость.

Слезы, которые я сдерживала все это время – и от усталости, и от унижения с Ярославом Викторовичем, – хлынули разом. Я рыдала, бесшумно, давясь собственными слезами, уткнувшись лицом в колени. Весь этот цирк – беготня, борьба, надежда на повышение – рухнул в один миг. Что за разница, старший я мерчендайзер или младший, если через десять дней нам негде будет жить?

И тут телефон завибрировал снова. Сквозь пелену слез я увидела имя. Бывший муж.

Нет. Только не сейчас.

Я смахнула слезы тыльной стороной ладони, сделав глубокий вдох, и взяла трубку.

— Чего тебе? – мой голос прозвучал хрипло и устало.

— О, какой ласковый прием, – усмехнулся он. – Звоню, потому что слышал, у тебя там с жильем проблемы назревают. От банка, говорят, письма счастья приходят.

Ледяная рука сжала мое сердце. Откуда он знает? Слежка? Или ему, как созаемщику, тоже что-то пришло? Может быть, ему звонили?

— Это не твое дело, – прошипела я.

— Как это не мое? Дети там прописаны, я отцом числюсь. Не могу же я допустить, чтобы мое потомство ночевало в подворотне, – в его голосе зазвучала сладкая, ядовитая ложная забота. – Я могу помочь. Закрывать твой долг частично. У меня есть кое-какие сбережения.

В его тоне было что-то такое, что заставило меня насторожиться.

— И что? Взамен ты забираешь детей? – спросила я, уже готовясь к бою.

— Что ты, что ты! Детей оставь себе, ты же супермама, – он засмеялся. – Просто... станем ближе. Буду помогать не только деньгами, но и... вниманием. Тебе же одной тяжело. Буду заезжать... иногда в гости. А иногда... может, ты ко

мне. Я знаю, один неплохой отель. Или я к тебе, когда мамка с ребятней куда-нибудь смотается. Как в старые добрые, только без обязательств. Ну, кроме финансовых, конечно.

Меня вдруг начало подташнивать.

Прямо там, в кабинке. Не физически, а внутри. Его «предложение» повисло в воздухе, липкое и мерзкое. Он предлагал купить меня. Как вещь. Оплатить мою ипотеку в обмен на право приходить и пользоваться мной, когда захочет.

— Ты... ты конченный ублюдок, — выдохнула я, и слезы снова потекли по щекам, но теперь это были слезы чистой, беспомощной ярости и отвращения.

— В смысле, конченный? — насторожился он. — Ладно, подумай. У тебя есть время решить, что для тебя важнее: гордость или крыша над головой твоих детей. Позвонишь. Я знаю.

Он бросил трубку.

Я осталась одна в тишине туалетной кабинки, раздавленная двойным ударом. С одной стороны — безликая машина банка, готовая вышвырнуть нас на улицу. С другой — бывший муж, предлагающий себя в качестве самого мерзкого кредитора в мире.

Выхода не было. Рассказать маме? У нее нет таких денег. Взять новый кредит, чтобы погасить старый? Мне его не дадут. Обещанное повышение? Оно придет слишком поздно, да и хватит ли этих денег?

Я вышла из кабинки, подошла к раковине и плеснула в ли-

цо ледяной воды. В зеркале на меня смотрело бледное, опухшее от слез лицо с красными глазами. Лицо загнанной в угол женщины, у которой отнимают последнее.

«Разведенка с прицепом».

«Дойная корова».

Казалось, весь мир ополчился, чтобы доказать правоту этих слов.

Я вытерла лицо бумажным полотенцем, скомкала его и выбросила. В глазах, еще мокрых от слез, вдруг вспыхнула новая, острая искра. Не надежды. Отчаяния. Но и решимости.

– Нет, – подумала я, глядя на свое отражение. – Я не позволю. Ни банку. Ни ему.

Но как остановить это, одной?

Ответа не было. Только тихая, всепоглощающая паника, подступающая к горлу. И тиканье невидимых часов, отсчитывающих те самые десять дней.

Глава 11. Рассказывай. Всё.

Ярослав Викторович

Я вышел из своего кабинета с одной целью – пройтись, чтобы выветрить из головы смесь абсурда, досады и того странного, неожиданного, но, что греха таить, приятного касания, который все еще отдавался где-то внизу живота. Я хотел уйти в торговый зал, где всё логично, всё по полочкам. Чтобы забыть и больше не думать о досадном недоразумении.

И тут дверь женского туалета открылась, и вышла она. Ковригина. Ольга.

Но это была не та женщина, что только что вылетела отсюда, пылая стыдом. И не та, что врезалась в меня утром с диким взглядом. Она шла медленно, сгорбившись, будто несла на плечах невидимую тяжесть. Лицо – бледное, как бумага, с четкими красными следами от слез под глазами. Она смотрела в пол и не видела меня.

Что-то внутри у меня резко, болезненно ёкнуло. Не сочувствие. Не жалость. А что-то более острое – осознание, что на моих глазах происходит катастрофа. И эта катастрофа почему-то задела меня лично.

«Русалка, выброшенная штормом», – пронеслось в голове с новой, зловещей силой. Похоже, шторм оказался настоящим и бил прямо в цель.

— Ковригина, – окликнул я, и голос прозвучал резче, чем я планировал.

Она вздрогнула, подняла на меня глаза – мокрые, полные такого немого отчаяния, что у меня снова всё внутри сжалось. Она попыталась что-то сказать, изобразить что-то вроде улыбки, но вместо этого губы её только дрогнули. И она снова покраснела, видимо, вспомнив то, что произошло между нами несколько минут назад.

Но сейчас это не имело значения.

В этот момент я перестал думать.

Логика, субординация, только что произошедший инцидент – всё это ушло на задний план. Сработал какой-то древний, базовый инстинкт. Я не спрашивал. Я шагнул к ней, – осторожно, но уверенно взял ее за локоть.

— За мной, – сказал я коротко и четко, не оставляя места для возражений.

Она не сопротивлялась, а наоборот позволила вести себя, как беспомощный ребёнок, что было пугающе. Я провёл её обратно в свой кабинет, усадил в то же кресло, в котором она только что устроила тот немыслимый казус.

Молча, игнорируя её смущённый взгляд, я налил в кружку крепкого чая из чайника, достал из ящика стола плитку дорогого швейцарского шоколада – запас для ночных бдений над отчётами – и положил перед ней.

— пей. Ешь, – скомандовал я, садясь в кресло напротив. Я не стал прятаться за стол. Я сел рядом, чтобы быть на одном

уровне. – И теперь Ольга Антоновна, рассказывай. Всё. С самого начала. Без утаек. Я видел, как ты вышла. Это не про мою... неловкость. Это что-то другое. И мне не всё равно.

Она смотрела на чай, потом на меня, и в её глазах снова выступили слёзы. Она пыталась их сдержать, сжимая кружку так, что костяшки пальцев побелели.

— Это... личное, Ярослав Викторович. Не по работе, – прошептала она.

— Всё, что угрожает работоспособности моего нового старшего мерчендайзера за десять минут до её официально-го назначения, – это самое что ни на есть рабочее, – отрезал я. Мой тон был жёстким, но не злым. Скорее деловым. – Ты только что получила повышение. Логично было бы радоваться. А ты выглядишь так, будто тебе объявили смертный приговор. Объясни мне, пожалуйста, что случилось?

Она замолчала, глотая воздух.

Потом сорвавшимся голосом, начала рассказывать. Про звонок из банка. Про просрочку. Про «десять дней до выселения». Про бывшего мужа, который «услышал» о её беде и предложил свою «помощь» на похабных условиях. Говорила она срывающимися фразами, иногда теряя нить, иногда снова начиная плакать. И с каждым её словом во мне нарастала холодная, чёрная и неконтролируемая ярость.

Ярость не на неё.

На её бывшего – такого хищника, выжидающего момента, чтобы добить свою бывшую семью. На систему, которая

давит на людей, не оставляя шанса. На всю эту гребаную несправедливость, которая сломала плечи этой женщине, но не сломала её дух.

Когда она замолчала, уткнувшись лицом в ладони, в кабинете повисла тишина. Я встал, подошёл к окну, глядя на серый город, чтобы скрыть выражение своего лица. Внутри всё кипело.

— Итак, – начал я, не оборачиваясь, тщательно подбирая слова. – Ситуация. Угроза потери жилья. Финансовый шантаж со стороны бывшего мужа. Десять дней на принятие решения.

Я обернулся к ней. Она смотрела на меня с пугающей покорностью обречённого человека.

— У тебя есть три варианта, – сказал я чётко, как на бизнес-планировании. – Первый: согласиться на условия этого... подонка. Это я про твоего бывшего мужа. Сразу отвергаем как морально неприемлемый и приводящий к ещё большей катастрофе. Второй: опустить руки и ждать выселения. Тоже не вариант. Значит, остаётся третий: решить проблему.

Она горько усмехнулась.

— Решить? Но как?

— Я знаю как, – сказал я просто и улыбнулся.

Глава 12. Радикальный способ решить проблемы

— Решить? Но как? - спросила она и удивленно посмотрела на меня.

— Я знаю как, – сказал я просто и улыбнулся.

Она смотрела на меня с полным непониманием, ожидая услышать про кредит, про заём, про что-то привычное и деловое. А я собирался предложить нечто, от чего у любого нормального человека должно было снести крышу. Включая меня самого. Но отступить было поздно.

— Есть радикальный способ решить все твои проблемы одним ударом, – начал я, возвращаясь к креслу, но не садясь. Я стоял перед ней, глядя сверху вниз, чтобы сохранить хоть какую-то иллюзию контроля над ситуацией, которой уже не было. – Позволь мне быть прямым. Тебе нужны: деньги на погашение долга, гарантия, что бывший отвяжется, и гарантия, что у твоих детей будет надежное жилье. Верно?

Она медленно кивнула, не отрывая от меня глаз.

— Хорошо. Мои... потребности, скажем так, в данный момент другие. – Я отвернулся, подошёл к своему столу, делая вид, что разглядываю какой-то документ, лишь бы не видеть её лица в следующую секунду. – Моя бывшая жена, Алиса, не оставляет попыток вернуться. Она считает, что у

неё есть на это право. Она беременна – не от меня, разумеется, – но использует это как рычаг давления. Наша взрослая дочь Лика оказалась между молотом и наковальней. Алиса превращает мою личную жизнь в поле боя, и я устал от этой войны. Мне нужна... тихая гавань. Формальная, но неоспоримая. Чтобы раз и навсегда закрыть вопрос.

Я обернулся.

Она всё так же смотрела на меня, но в её глазах уже появился не испуг, а нарастающее, леденящее душу предчувствие.

— Я предлагаю тебе выйти за меня замуж, – выдохнул я фразу, которая повисла в воздухе, тяжёлая и нелепая, как гиря. – Фиктивно, разумеется. Мы распишемся. По контракту ты получишь финансовую поддержку для погашения ипотеки и обеспеченное будущее для детей. Я получу железный аргумент против Алисы, спокойную личную жизнь и... формальную семью, которая избавит меня от ненужных вопросов в бизнес-кругах. Мы будем жить отдельно. Ты – со своими детьми. Я – в своей квартире. Никаких обязательств, кроме публичных.

Она молчала.

Так долго, что я начал слышать тиканье часов на стене. Её лицо было совершенно бесстрастным. Потом она медленно поднялась с кресла.

— Вы... вы предлагаете мне... продаться? – её голос был тихим, но каждое слово резало, как стекло. – Только не бив-

шему мужу, а вам? Более выгодному покупателю?

— Нет! — моё терпение лопнуло, и я резко шагнул к ней. — Чёрт возьми, Ольга, нет! Я предлагаю тебе союз. Взаимовыгодное партнёрство! Ты не продаёшься. Ты получаешь инструмент для защиты своей семьи! А я... — я запнулся, пытаясь сформулировать то, что и сам до конца не понимал. — Я получаю возможность совершить хоть один в своей жизни поступок, который не будет продиктован холодным расчётом! Который будет... просто человеческим! И да, возможно, благородным, если это слово ещё что-то значит!

Я отвернулся, снова подошёл к окну.

Руки дрожали. Я понимал, насколько это безумно. Рискованно. Глупо.

— Тебе не нужно отвечать сейчас, — сказал я в стекло, глядя на своё отражение. — Подумай. Взвесь. У тебя есть время. Но пойми главное: это не милостыня. Это сделка. Ты — сильный управленец, который поможет мне оптимизировать бизнес. Я — инвестор, который даёт тебе ресурс и крышу над головой, чтобы ты могла работать эффективно. И формальный статус жены лишь... юридически закрепляет это партнёрство и защищает тебя от таких, как твой бывший. Он не полезет к жене другого мужчины, особенно если этот мужчина — я.

Я услышал, как она сделала шаг назад. Потом ещё один.

— Вы... вы в своём уме? — прошептала она.

Я горько усмехнулся.

— Последние полчаса я всё больше в этом сомневаюсь. Но это не делает предложение менее реальным. И практичным.

Наступила пауза. Я не оборачивался, давая ей время. Слышал, как она дышит – неровно, прерывисто.

— А если... если я соглашусь... – её голос снова дрогнул. – Что будет потом? Через год, через два? Когда Алиса отстанет, а моя ипотека будет выплачена?

— Тогда, – сказал я твёрдо, наконец оборачиваясь к ней, – мы спокойно и цивилизованно разведёмся. Ты получишь оговоренную в контракте сумму на старт новой, уже полностью независимой жизни. А я... – я сделал паузу, – получу подтверждение, что НЕ всё в этом мире измеряется деньгами и выгодой. И, возможно, воспоминание о том, что я помог сильному человеку не сломаться. Всё честно.

Она стояла, обхватив себя за плечи, маленькая и беззащитная в центре моего огромного кабинета. Но в её глазах, среди слёз и отчаяния, уже мелькало что-то новое. Не покорность. Не ужас. Расчёт. Тот самый, женский, хитрый расчёт выживания.

— Мне нужно подумать, – сказала она наконец, и её голос окреп.

— Конечно. – Я кивнул и сделал шаг к двери, открывая её. – Иди домой. К детям. Обсуди с матерью, если считаешь нужным. Но помни: у тебя десять дней. Мой офис открыт для тебя в любой момент. И... Оля?

Она остановилась в дверном проёме, обернувшись.

— Да?

— Какой бы ответ ты не дала, — я посмотрел ей прямо в глаза, — повышение остаётся в силе. Ты это заслужила. Не зависимо ни от чего.

Она молча кивнула и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я остался один.

Тишина кабинета оглушала. Я подошёл к столу, опустился в кресло и закрыл глаза. Что я только что наделал? Предложил брак по расчёту женщине, которую знаю всего несколько дней. Впустил в свою выверенную, стерильную жизнь бурю в лице двух её детей, её проблем, её бывшего мужа.

Но странное дело.

Сквозь панику и осознание всей степени безумия этого шага пробивалось другое чувство. Острое, почти болезненное ожидание. Не делового партнёрства. А чего-то большего. Чего-то живого, тёплого и хаотичного, что вдруг ворвалось в мой мир и... не захотело уходить.

— Тихая гавань, — усмехнулся я сам себе. Какой же я идиот. Я только что предложил русалке, выброшенной штормом, зайти в мой порт. И теперь жду не дождусь, чтобы увидеть, какой же шторм она принесёт с собой на самом деле.

Глава 13. Вот и мамаша подъехала!

Если бы кто-то сказал мне сегодня утром, что к вечеру я выслушаю предложение руки и сердца от своего директора, я бы подумала, что он сошел с ума. Но Ярослав Викторович действительно это сказал.

Жениться. Фиктивно. От этой мысли мозг начинал плавиться, как мороженое на асфальте.

Я шла по коридору к выходу, пытаюсь проанализировать этот безумный план с холодной головой.

«Финансовая стабильность». «Защита». «Деловой союз». Звучало красиво. Но это означало стать «женой» человека, при виде которого у меня до сих пор горят щеки. И не только от стыда, если честно.

Мои мысли прервал резкий звонок. Из садика. Обычно звонят, если кто-то заболел. Сердце упало.

— Алло?

— Ольга Антоновна? Говорит заведующая Марина Геннадьевна. У нас тут... инцидент случился. Ваша Катя вступила в конфликт с мальчиком Артемом. Не просто конфликт. Она... ударила его совочком по голове.

— Что?! – у меня перехватило дыхание. Моя Катя, та, что вчера выторговала печенье для своего звереныша? – Она что сделала, то есть, я хотела спросить – за что?

— По её словам, Артем сказал, что у неё нет папы и по-

этому она «неполноценная». Отец Артема на месте, очень возмущён. Требуется встречи с родителем и извинений. Можете срочно подъехать?

В голове всё смешалось: безумное предложение Ярослава, цифры ипотеки, гадкий голос бывшего, а теперь ещё и моя дочь, которую в четыре года уже травили из-за отсутствия отца. Мир словно решил провести на мне стресс-тест на прочность.

— Я еду, — сквозь зубы сказала я, осмотрелась и покинув склад, бросилась к машине.

Мысли о брачном контракте и тихой гавани испарились. Сейчас я была просто матерью, чьему ребёнку сделали больно и которая сейчас даст отпор любому, кто посмеет на неё наезжать.

В саду атмосфера была напряжённой. В кабинете заведующей сидел краснолицый мужчина в дорогом костюме, а рядом — хныкающий мальчик с красным пятном на лбу. Моя Катя сидела на стуле в углу, бледная, сжавшаяся в комок, но с упрямо поджатыми губами. Увидев меня, её лицо исказилось, и она громко разревелась.

— Мама! Он сказал, что мы с тобой нищие и папа у меня козел!

— Вот и мамаша подъехала, — отец Артема встал, нависая надо мной. — Ваша дочь — хулиганка! Смотрите, что она сделала! Я требую извинений! И чтобы вы её как следует наказали!

Его тон был таким, будто он отчитывал подчинённого. Во мне что-то щёлкнуло. Я устала. Устала от хамов, от давления, от необходимости постоянно извиняться за то, что мы существуем.

— Я поговорю с дочерью о недопустимости физической силы, — сказала я ледяным тоном, который, к моему удивлению, очень напомнил босса Ярослава. — Но прежде чем требовать извинений, научите своего сына не оскорблять других детей и не врать. Моя дочь по натуре примерная девочка. Её спровоцировали.

— То есть вы ещё и оправдываете её?! — заорал мужчина. — Я с такими, как вы, разговаривать не буду! Пойду в управление образования! Подам жалобу!

— Подавайте, — огрызнулась я, чувствуя, как трясутся колени от злости и бессилия. — И пока будете писать жалобу, объясните там, как вы воспитываете в сыне уважение к чужим семьям. А теперь извините, мне нужно забрать своего ребёнка.

Я взяла за руку Катю, которая смотрела на меня широко-ими, полными слёз и обожания глазами, и вышла из кабинета, оставив за спиной бурчание недовольного отца и вздох заведующей.

В машине Катя, наконец, разрыдалась по-настоящему.

— Мама, он правда плохой! Он сказал, что у меня папа... что он нас бросил потому что мы плохие...

— Это неправда, солнышко, — сказала я, садясь за руль

и чувствуя, как слёзы подступают и ко мне. — Мы с тобой и Сережей — самые лучшие. А папа... он просто... он ошибся. Но это не значит, что с нами что-то не так.

И в этот момент, среди этой кучи детских слёз, своей ярости и полной беспомощности, слова Ярослава Викторовича вернулись ко мне. Не как безумное предложение, а как конкретный инструмент.

«Он не полезет к жене другого мужчины, особенно если этот мужчина — я».

Слово «жена» всё ещё пугало. Но слово «защита» звучало всё громче.

Я приехала домой в состоянии полной эмоциональной нестабильности. Мама, увидев наши лица, без слов принялась греть ужин. Сережа медленно ходил за мной по пятам. Спотыкался, но уверенно шел.

Я накормила детей, уложила их спать, и только когда в доме наконец воцарилась тишина, села на кухне с чашкой чая.

Мама села напротив.

— Дочка, что-то случилось?

Я не стала рассказывать про драку. Я сказала про банк. Про десять дней. Про угрозу выселения.

Лицо мамы стало пепельно-серым.

— Господи... Олечка, что же делать? У меня есть крохи, но этого...

— Мам, есть один вариант, — перебила я её, глядя на круж-

ку. — Дикий. Невероятный. Я даже не знаю, как это сказать.

И я сказала. Про предложение Ярослава. Про фиктивный брак, контракт и взаимовыгоду.

Мама слушала, не перебивая, её глаза становились всё шире. Когда я закончила, она долго молчала.

— Замуж... за директора... — наконец выдохнула она. — Оля, да ты с ума сошла! Это же... это же как в кино!

— В кино бывает хэппи-энд, мам. А в жизни — сплошная мелодрама с элементами триллера, — горько усмехнулась я. — Но, понимаешь... когда он это говорил... это не звучало как пошлость или шантаж. Звучало как... деловое предложение. Жесткое, но честное. И у меня нет других вариантов.

Мама вздохнула, потянулась через стол и взяла мою руку.

— Решай, дочка. Только сердцем. Не только головой. Этот мужчина... он тебе нравится, да?

Я покраснела, вспомнив его взгляд вчера на складе и сегодня в кабинете. И тот нелепый инцидент с рукопожатием.

— Он... он другой. Не такой, как все. Но нравится ли? Не знаю. Он раздражает. Бесит. Но когда он рядом, я чувствую... что не одна.

В этот момент в тишине квартиры прозвучал резкий стук в дверь. Не звонок. Именно стук — нетерпеливый, властный.

Мы с мамой переглянулись. Кто это мог быть в десять вечера? Бывший? Нет, он бы звонил.

Сердце заколотилось. Я подошла к двери, посмотрела в глазок.

За дверью, освещённый тусклым светом лампочки на площадке, стоял Ярослав Викторович. В своём тёмном пальто, с напряжённым, серьёзным лицом. Он что-то держал в руке – не цветы, а толстую папку.

Я отпрянула от глазка, как от раскалённого железа.

— Кто? – шёпотом спросила мама.

— Он, – прошептала я в ответ. – Сам директор пожаловал. Что делать-то, мам?

— Что-что, открывай!

Глава 14. Работа в этом направлении ведется.

Я распахнула дверь, пытаясь придать своему лицу хоть какое-то подобие уверенности. Катя с совочком в руках – это одно. Ярослав Викторович на пороге в десять вечера – это совсем другой уровень стресса.

— Ярослав Викторович? – произнесла я, и голос мой прозвучал скрипуче. – Что-то случилось?

Он стоял на пороге, и даже в тусклом свете я видела, как он напряжён. Его взгляд скользнул за мою спину, где маячила фигура мамы, и он слегка кивнул.

— Коври... хм... Ольга, прошу прощения за поздний визит. Мне... нужно было передать вам кое-что срочно.

Он протянул папку.

— Это проект контракта с новым поставщиком сантехники. Тот самый, что может снизить закупочные цены. Вы проявили себя как ценный специалист, и я решил, что ваше мнение будет полезно. Нужно ознакомиться до завтрашнего утреннего совещания.

Я взяла папку, ощущая её неестественную тяжесть. Срочный контракт с поставщиком в десять вечера? Звучало как откровенная, ничем не прикрытая отмазка. Но зачем?

— И... это всё? – неуверенно спросила я и хмыкнула.

Он заколебался. Казалось, гранитная уверенность, с которой он обычно действовал, дала трещину.

— Нет, не всё... — он сделал паузу, снова глянул в сторону кухни. — Мне... нужен был ваш ответ.

Мои щёки залились краской. Так вот в чём дело! Он не выдержал и не стал ждать до утра.

В этот момент мама, оставив в покое вытирание стола, решительно направилась к нам.

— Дочь, что же ты гостя в дверях держишь? Мужчина с работы, поздно, наверное, устал. Проходите, Ярослав Викторович, проходите, — сказала она таким тоном, каким обычно зазывала на кухню соседок. — Чайник только скипел, чай свежий. Садитесь, отдохните пять минут.

Лицо Ярослава Викторовича выдало лёгкую, но явную растерянность. Он, привыкший командовать в стерильном кабинете, явно не был готов к такому стремительному гостеприимству в десять вечера.

— Благодарю, но я не хочу беспокоить, — начал он, но мама уже махнула рукой.

— Какое беспокойство? Чай заварила, варенье своё, вишнёвое. В ногах правды нет.

Он бросил на меня взгляд — не начальника, а человека, ищущего спасения. Но мама уже взяла его за рукав пальто (смелость, достойная ордена!) и слегка потянула в сторону кухни.

— Проходите, проходите, тут особо не разгуляешься, но

у нас уютно.

Ярослав Викторович, слегка ошеломлённый, позволил себя провести. Он снял пальто, повесил его на вешалку с такой тщательностью, будто разгружал хрупкий товар, и проследовал на кухню.

Честно говоря, он выглядел нелепо огромным и чужеродным в нашей маленькой, заставленной цветами и детскими стульчиками кухне.

— Просто... я тут услышал от Петра, что у вас проблемы в детском саду, – тихо продолжил он, уже сидя за столом и принимая от мамы кружку. Он держал её так осторожно, будто это была хрустальная ваза. – Решил, что, возможно, вам сейчас нужна не столько папка с контрактом, сколько... моральная поддержка. Но приехать с пустыми руками было бы странно.

В его словах, произнесенных под одобрителный взгляд мамы, раскладывающей варенье, была такая неожиданная, почти неуклюжая человечность, что у меня внутри всё ёкнуло.

А ещё я подумала, что у заместителя Ярослава слишком длинные уши, раз он слышит все что нужно и не нужно.

В этот момент, я услышала как дверь детской приоткрылась, и оттуда появилась... Катя. В одной пижаме, с растрёпанными волосами и крепко держа на бедре полуспящего Сережу, который безвольно свесил на её плечо голову. Она явно утащила его из кроватки, что было её любимым «помо-

гающим» занятием.

— Мамочка, Силожа плюснулся и плачет, – с серьёзным видом доложила Катюша, ковыляя под тяжестью брата в сторону кухни. – Я его успокоила... кажется.

Увидев за столом незнакомого высокого мужчину, Катя замерла на пороге. Её сонные глаза широко раскрылись. Сережа, почувствовав, что движение прекратилось, приподнял голову. Его взгляд, сонный и туманный, остановился на Ярославе. Он моргнул, потом ещё раз, и вдруг глаза прояснились. С радостной улыбкой он потянулся к нему ручонками, всё ещё сидя на бедре Кати.

— Папа? – чётко и вопросительно произнёс Сережа.

Время замерло.

Язык прилип к гортани.

Ярослав Викторович застыл с кружкой в руке, глядя на эту сюрреалистичную картину: четырёхлетнюю девочку-носильщицу и её подопечного, который только что назначил его отцом. Выражение его лица было таким, будто ему подкинули живую гранату вместо вишнёвого варенья, да ещё и в комплекте с носильщиком.

И тогда он сделал невероятное.

Поставив кружку с таким звоном, что мама вздрогнула; Затем медленно встал и сделал два шага к детям. Он не опустился на корточки – Катя с Сережей на руках была для этого слишком высокой «конструкцией». Он просто склонился к ним, став с ними почти на один уровень.

— Пока ещё нет, дружок, – тихо, но очень чётко сказал он, глядя на Сережу, – но работа в этом направлении ведется.

Потом его взгляд перешёл на Катю, которая смотрела на него с бездной детского любопытства.

— А ты, я слышал, сегодня проявила себя как первоклассный переговорщик. И телохранитель. Уважаю.

Катя, никогда не слышавшая таких серьёзных слов от взрослых (кроме воспитательницы, которая обычно говорила «не дерись»), смущённо потупилась и крепче обняла брата. Это было высшей оценкой.

Потом он поднял взгляд на меня. И в его глазах, при полном свете кухонной лампы, я увидела не только искорку, но и лёгкую, несвойственную ему растерянность от всей этой ситуации: чай, мама, ребёнок, назвавший его папой. Он был выбит из своей колеи, и это странным образом делало его ближе.

— Кажется, мне уже пора, – сказал он. Вид у него был такой, будто он только что провёл важные переговоры в нестандартных условиях. – Изучите контракт. И... подумайте. Я завтра жду.

Он кивнул маме, которая сияла, как новогодняя ёлка:

– Спасибо за чай, Валентина Андреевна. Очень вкусное варенье.

И он исчез, оставив после себя лёгкий запах парфюма и ощущение полного переворота в моей маленькой вселенной.

Мама подошла ко мне, посмотрела на закрытую дверь.

— Ну что, дочка? – спросила она, забирая Сережу у Кати.
– Кажется, этот твой директор только что не только контракт привёз. Он и чай пить сел, и с детьми твоими познакомился. Для «фиктивного» жениха – очень даже реальные поступки. Что скажешь?

Глава 15. Устал. Не могу. Прости.

После того как дети наконец уснули (во второй раз, с большим трудом), а мама отправилась спать, я осталась одна в тишине, которую нарушало только тиканье часов.

Папка с контрактом лежала на столе, как обвинительный приговор – или как договор о капитуляции на самых выгодных условиях. Я взяла её, но не открыла. Просто сидела, обхватив холодный картон пальцами, и смотрела в темноту за окном.

И эта тьма почему-то оживила другую тьму – из прошлого.

Ту, что копилась годами и в конце концов поглотила мой первый брак.

... когда-то всё было иначе.

Алексей не был «этим подонком». Он был просто Лешей – весёлым, амбициозным парнем, который носил меня на руках (буквально!), когда мы узнали о беременности Кати. Помню, как он приклеил мои УЗИ к приборной панели своей машины и показывал всем:

– Смотрите, это моя наследница!

Он мечтал о большом доме, о путешествиях вчетвером (мы уже планировали второго), о своём бизнесе. Мы были командой.

Первые трещины появились с первыми же трудностями.

Его маленький бизнес-проект прогорел, унося с собой наши скромные сбережения и, что хуже, его веру в себя. Он не привык проигрывать. Вместо того чтобы искать новую работу, он стал искать виноватых. Сначала в партнёрах, потом в кризисе, потом... во мне.

– Ты меня не поддерживаешь, Оль! – кричал он, и от его дыхания уже пахло пивом. – Сидишь тут со своим животом, как королева, а я пашу!

Я молчала, гладила живот и верила, что это просто стресс, что он одумается, когда увидит дочь.

Но после рождения Кати стало только хуже. Он всё чаще задерживался «на делах», от которых пахло чужими духами. Зарплата таяла в его карманах – то на «важные переговоры» в барах, то на «инвестиции» в сомнительные азартные игры на телефоне. Когда я робко спрашивала про деньги на памперсы, он кричал, что я «денежный мешок» и «душу из него вытягиваю».

Потом родился Сережа. Нежданный, но желанный – для меня. Для Алексея это стало последней каплей.

– Ещё один рот?! Да ты с ума сошла! Я не потяну!

Он не потянул. Он просто... ушёл. Сначала эмоционально, перестав замечать нас, потом физически – задерживаясь на сутки, двое. А однажды просто не вернулся, оставив на столе записку: «Устал. Не могу. Прости».

«Прости».

Как будто это слово могло стереть годы унижений, когда

он сравнивал меня с «ухажеными стервами» из его нового окружения. Как будто оно могло залечить шрам от того, как он назвал маленького Сереженьку «очередной обузой». Как будто оно компенсировало детские глаза, с тоской смотрящие в закрытую дверь в ожидании папы, который обещал зоопарк.

Я выдохнула, и звук вышел сдавленным, будто рыдание. Я сжала папку так, что картон затрещал. Вся эта боль, весь этот пепел прошлого – именно от этого он, Ярослав Викторович, предлагал меня защитить. Не романтическим порывом, а холодным, железным контрактом. Щитом.

Он не обещал любви. Он обещал стабильность.

Не обещал счастья — обещал безопасность.

Он не говорил о чувствах — он говорил об уважении и партнёрстве.

И в этой чудовищной, деловой трезвости его предложения было что-то невероятно честное. После сладких лживых сказок Алексея о «большой любви», которые обернулись горькой правдой о его слабости, эта честность была как глоток ледяной, чистой воды. Она обжигала, но хорошо так прочищала голову.

Я посмотрела на спальню, где тихо посапывали двое моих самых главных людей. Ради них я тащила этот воз. Ради них я выдержала всё. А теперь этот «воз» грозился раздавить нас всех – банк, бывший, этот мир, который не прощает слабости.

Я медленно открыла папку. Не контракт с поставщиком, который был лишь предложением. Я открыла свою память, своё сердце, зашитое грубыми нитками после прошлых ран. И стала взвешивать.

С одной стороны – страх новой зависимости, пусть и фиктивной, ужас от слова «брак», которое уже однажды стало синонимом тюрьмы. С другой – спасительная рука, протянутая не для того, чтобы погладить по голове и сказать «бедняжка», а для того, чтобы помочь встать и дать оружие для боя.

И самое странное... я верила ему. Верила его «уважаю». Верила его неловкости на нашей кухне. Верила даже его растерянности, когда мой сын назвал его папой. В этой растерянности не было фальши.

Я закрыла папку, встала и потушила свет. Перед тем как закрыть глаза, последней мыслью, проплывшей в уставшей голове, был не страх. Была слабая, но упрямая надежда.

«Первый брак научил меня, каким муж не должен быть. Быть может, второй... даже самый странный, фиктивный и договорной... покажет, каким он может быть. Хотя бы в деловом партнёрстве. Хотя бы в уважении. А там... посмотрим».

И с этой мыслью, одновременно пугающей и невероятно обнадеживающей, я наконец погрузилась в сон. Завтра нужно было дать ответ. И впервые за долгое время я чувствовала, что у меня есть не только долги и проблемы, но и выбор.

Настоящий.

Глава 16. Ты обычный потаскун, Леха!

Сон был коротким и тревожным. Я просыпалась от каждого шороха, каждую минуту подсознательно ожидая, что прозвенит будильник. А когда он наконец зазвенел тем самым жизнерадостным «Улыбнись и маши ручкой!», казалось, я и не спала вовсе. Голова была тяжёлой, мысли – вязкими.

Утро началось с привычного хаоса, но сегодня в нём была какая-то лихорадочная спешка. Сегодня был день X. День ответа. Мне нужно было успеть всё: отвезти Катю в сад, пережить разговор с заведующей после вчерашнего скандала, добраться до работы и... войти в кабинет Ярослава Викторовича. От мысли об этом в животе всё сжималось в тугую, твёрдый комок.

Пробка на нашем обычном маршруте встала монументальная. Авария. Две скорые, мигалки, полиция. Я сидела, бессильно стуча пальцами по рулю, и смотрела, как тают драгоценные минуты. Катя на заднем сиденье капризничала:

– Мама, мы опоздаем на завтлак! Мне дадут холодную кашу! И Лабубу снова останется голодным!

– Всё успеем, солнышко, всё успеем, – автоматически отвечала я, сама в это не веря.

Когда поток наконец дрогнул, я рванула с места, нарушая

все мыслимые скоростные ограничения на наших задворках. В сад мы ворвались, когда завтрак уже заканчивался. Я, запыхавшаяся, с Катей за руку, почти вбежала в раздевалку её группы.

И тут я увидела его.

В коридоре, у кабинета заведующей, стоял Алексей. Мой бывший муж. Он был в том самом дорогом костюме, в котором когда-то пытался производить впечатление успешного человека, и о чём-то оживлённо беседовал с Мариной Геннадьевной. Заведующая, увидев меня, сделала виноватое лицо и что-то тихо сказала ему. Алексей медленно обернулся. На его лице расцвела та самая сладкая, ядовитая улыбка.

— Оленька! Какая встреча! – протянул он, делая шаг навстречу. – Как раз о нашей дочке беседовали. Слышал, вчера тут разборки были. Драчунья растёт, да? Вся в маму.

Вся кровь отхлынула от лица, а потом прилила обратно, горячей волной ярости. Он пришёл сюда. Специально. Чтобы надавить, чтобы напомнить о своём «родительском праве», чтобы испортить мне утро перед самым важным разговором в жизни.

— Ты чего здесь делаешь? – прозвучало у меня хрипло. Я не отпускала Катину руку, чувствуя, как та притихла и прижалась к моей ноге.

— Отец беспокоится о своём ребёнке, – парировал он, разводя руками. – Мне Марина Геннадьевна как раз рассказывает, как наша Катюша другим детям головы совками раз-

бывает. По-моему, надо срочно заняться воспитанием дочери. Может, ей не хватает мужского влияния? Могу забирать почаще. На выходные, например.

В его глазах читался не интерес к дочери, а чистое, непотребное удовольствие от того, что он снова дергает за ниточки, причиняет боль.

— Ты... — я задыхалась от гнева. — Ты собрался ее воспитывать? Ты, который последний раз видел её три месяца назад на пять минут у подъезда? Ты, который называет её «обузой»? Ты будешь её воспитывать игрой в покер на телефоне и рассказами про своих новых «тёток»? Да ты... ты обычный потаскун, Леха! У тебя ни на кого и ни на что не хватит внимания, кроме как на собственную жалкую персону!

Слова вырывались сами, горячие и острые, как осколки разбитого стекла.

В коридоре воцарилась тишина.

Воспитательницы замерли с тряпками в руках. Марина Геннадьевна закатила глаза, предвидя новый скандал. Лицо Алексея исказилось от злости. Он шагнул ко мне, снизив голос до опасного шипения:

— Ты поменьше разевай рот в мою сторону, Ольга. Ты сама-то на краю пропасти стоишь, с ипотекой-то. Кто тебе поможет-то, когда совсем прижмёт? Я что ли?

Или этот твой новый... работодатель, за которым ты, как сука, бегаешь? Думаешь, я не вижу, как ты на него пялишься? Только он на такую, как ты, плевать хотел. Использует

тебя по полной, а потом, глядишь, ногой под зад полетишь.

Каждый удар попадал точно в цель. Было больно, униЗИтельно, страшно. Но где-то глубоко внутри, под этим слоем грязи, который он на меня выливал, вспыхнула крошечная, яркая искра сопротивления. Именно из-за таких, как он, мне и нужен был этот «щит».

— Убирайся, Алексей, – сказала я тихо, но так, чтобы слышали все в тихом коридоре. – И не приходи сюда больше. Твоё «воспитание» моим детям не нужно. У них теперь... есть на кого равняться. И это не ты.

Я резко развернулась, подхватила на руки Катю (которая смотрела на папу большими, испуганными глазами) и почти побежала к её группе. За спиной я слышала его сдавленное ругательство и гневный шёпот заведующей:

– Алексей, пожалуйста, только не здесь.

Сердце колотилось так, что звенело в ушах. Я наспех поцеловала Катю, сунула ей в руку Лабубу и вылетела из сада, не оглядываясь. В машине я несколько минут просто сидела, уткнувшись лбом в руль, пытаюсь отдышаться и сдержать предательскую дрожь в руках. Потом взглянула на часы.

Блин. Блин. БЛИН.

Я снова опаздывала. Уже на двадцать минут. После вчерашнего идеального прихода и сегодняшнего разговора – это был полный провал.

Я рванула в сторону «Уюта», лавируя между машинами с отчаянием загнанного зверя. В голове гудело: «Он придёт в

сад, он будет давить, он будет вредить... А я опаздываю, я всё порчу, Ярослав подумает, что я ненадёжная... а потом возьмет и уволит меня».

Я влетела в служебный вход, проскочила мимо охранника, не отвечая на его приветствие, и помчалась по коридору к кабинету директора. Мне нужно было объясниться. Сейчас. Пока у меня ещё хватало духу.

Я подбежала к его двери, подняла руку, чтобы постучать... и замерла. Из-за двери доносились голоса. Женский, слегка истеричный, взвинченный. И его. Низкий, спокойный, но с той самой ледяной сталью внутри.

— ...не понимаю, Ярик, как ты можешь?! Мы же семья! У нас взрослая дочь и скоро будет ребенок! А ты тут с какой-то... разведёнкой из своего магазина крутишь! Я всё знаю. Мне Петя рассказал.

Глава 17. Нашей семьи больше не существует.

Я стоял за своим столом, глядя на Алису, и чувствовал, как привычное раздражение перерастает во что-то большее. В холодную, чистую ярость. Она приехала сюда – в мой рабочий храм, где всё подчинено логике и порядку, – чтобы устроить истерику. И в своих криках задела не только меня.

— Ты всё знаешь, – повторил я её слова, и мой голос звучал на удивление тихо. Но в кабинете стояла такая тишина, что её громкое дыхание казалось почти криком. – Что именно рассказал тебе Пётр? Что у меня есть сотрудница, которая работает лучше всех? Которая в трудной ситуации не заплакала, а взяла и всё исправила? Это и есть твоя Алиса. Человек, который вызывает у меня уважение. А вот про некоторых других такого не скажешь.

Она фыркнула, сделав театральный жест рукой, сверкнув новым кольцом, купленным, очевидно, тем самым «спонсором».

— Уважение? Да ты просто от скуки развлекаешься! Ты же всегда таким был – холодным, бесчувственным! Тебе нужна только видимость порядка! И ты нашёл себе такую же...

— Замолчи. – Я не повысил голос. Просто произнёс это

слово с такой окончательной интонацией, что её рот остался полуоткрытым. Я обошёл стол и встал перед ней, глядя сверху вниз. — Ты перешла черту. Ты позволяешь себе говорить о человеке, которого не знаешь. Позволяешь себе являться сюда и ставить под угрозу репутацию моего сотрудника. И делаешь это намеренно. Потому что ты, как всегда, думаешь только о себе.

— Я думаю о нашей семье! — выкрикнула она, но в её голосе уже не было уверенности, только привычная манипуляция.

— Нашей семьи больше не существует. Есть наша дочь Лика, которую ты сейчас пытаешься использовать как разменную монету. И есть ты, беременная от другого мужчины и пришедшая шантажировать меня этим. Ты не хочешь семью. Ты хочешь комфорт и статус, которые у тебя были. Но они закончились.

Я видел, как меняется её лицо. Злость сменялась паникой. Она поняла, что старые рычаги не работают.

— Я... я расскажу всем! Как ты издеваешься над беременной женщиной! Один мой звонок в СМИ...

— Звони Алис., — перебил я её и, развернувшись, подошел к окну. Встал к ней спиной, показывая, что мне всё равно. — Расскажи всем, как, будучи замужем, ты забеременела от любовника. Как ты пыталась вернуться, а когда это не вышло, пришла орать в мой офис. У журналистов, поверь, отличное чувство юмора. А юристы моей компании с удоволь-

ствием подготовят встречный иск о клевете и вмешательстве в частную жизнь. Твоему... спонсору, – я сделал ударение на слове, – это вряд ли понравится.

В кабинете повисла гробовая тишина. Я слышал, как она глотает воздух.

— Ты... ты ничтожество, – прошипела она уже без сил.

— Возможно. Но это моя территория. И мои правила. – Я обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Взгляд был ледяным и бескомпромиссным. – Вот твои правила: ты никогда больше не переступаешь порог этого магазина. Не звонишь мне без крайней, жизненной необходимости, касающейся только Лики. И забываешь дорогу к садику, где воспитывается дочь моей сотрудницы. Если я узнаю, что ты хоть как-то пытаешься вредить Ольге Ковригиной или её детям – через сплетни, через своего Петю, которого я сегодня же выгоню к чертям собачьим, через что угодно – ты очень пожалеешь. У меня достаточно ресурсов, чтобы сделать твою жизнь очень неудобной. И твоего нового друга – тоже. Ясно?

Она молчала, побелевшая, сжимая сумку так, что костяшки пальцев побелели.

— А теперь... уходи. У меня запланирована важная встреча. И я не люблю, когда мне мешают.

Она ещё секунду постояла, словно парализованная, затем резко развернулась и, не сказав больше ни слова, выбежала из кабинета, громко хлопнув дверью.

Я остался один. Дышал ровно, стараясь погасить адрена-

лин, пульсирующий в висках. И в этот момент услышал за дверью сдержанный, но отчётливый звук – три чётких стука.

Моё внимание мгновенно переключилось. Я знал, кто это. Я ждал этого стука всё утро. После только что произошедшего разговора её появление было и долгожданным, и пугающим. Она слышала? Если да, то какую часть?

Я разгладил ладонью складку на пиджаке, сделал глубокий вдох и вернул лицу привычную, непроницаемую маску.

— Войдите, – сказал я, и голос прозвучал ровно, как будто последних пятнадцати минут не было вовсе.

Дверь открылась.

На пороге стояла Ольга. Она была вся в мыле, глаза огромные, в них страх, решимость и какая-то безумная надежда. Вид у неё был, будто она только что от стаи гиен отбивалась, а не ребёнка в сад вела.

Наши глаза встретились. Я видел, как она пытается понять, что у меня на уме: злюсь ли я из-за опоздания, недоволен чем-то или что-то другое. Но я не хотел её огорчать. С Алисой я уже навоевался, а Ольга для меня была важнее.

Я смотрел ей прямо в глаза, чтобы она поняла: всё её внимание должно быть только на мне, на моём вопросе и на том, что я жду от неё ответа.

— Ну что, Ковригина, – начал я, и в голосе не было ни капли той ярости, что звучала минуту назад. Только привычная, деловая собранность. – Вы готовы дать свой ответ?

Глава 18. У тебя теперь есть тыл.

Я сделала шаг в кабинет. Дверь тихо закрылась за мной, отсекая внешний мир с его банками, бывшими, скандалами в саду.

— Я готова, — сказала я. И голос мой, к моему собственному удивлению, не дрогнул. Он прозвучал чётко, ясно, как будто я отчитывалась о выполненном плане.

Мой начальник не двинулся с места, только слегка приподнял бровь, давая мне закончить.

— Я обдумала ваше предложение, Ярослав Викторович, — продолжала я, сжимая пальцы в кулаки, чтобы они не тряслись. — Все «за» и «против». И я принимаю ваши условия.

В воздухе что-то дрогнуло. Казалось, даже его каменная уверенность дала микроскопическую трещину. В его глазах мелькнуло что-то быстрое, неуловимое — облегчение? Удивление? Предвкушение?

— Вы уверены? — спросил он так же тихо. — Это необратимо. Это контракт. Со всеми вытекающими... публичными обязательствами.

— Я прекрасно понимаю, что это контракт, — кивнула я. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, я почувствовала, как уголки губ сами собой тянутся вверх. Не в улыбку. В нечто большее — в оскал выжившего, в котором было и от-

чаяние, и дерзость. — У меня как раз богатый опыт работы с невыполнимыми условиями. С просрочками, долгами и... недобросовестными партнёрами. Справилась. Справляюсь и с этим. При условии, что мой новый партнёр, — я сделала едва заметное ударение на слове, — будет честным и надёжным.

На его лице наконец-то появилась настоящая улыбка. Не та холодная и натянутая, как на корпоративах, а живая. Немного усталая и слегка ироничная, но настоящая. Он медленно обошел стол и остановился передо мной, на расстоянии вытянутой руки.

— Тогда, Ольга Антоновна, — он протянул руку, — давайте заключим сделку.

Я посмотрела на его ладонь. Ту самую, что вчера случайно оказалась не там, где надо. Точнее моя ладонь вдруг коснулась не того... а может и того. Я быстро отбросила эту мысль от себя, потому что вчера наше неслучившееся рукопожатие перевернуло весь мой день. Сегодня это был просто жест. Деловой. Чёткий.

Я вложила свою руку в его. Его пальцы сомкнулись вокруг моих — тёплые, сухие, сильные. И в этот раз — абсолютно контролируемые.

— По рукам, — сказала я и посмотрела ему в глаза. Он тоже не сводил своих уставших глаз с меня.

Так мы и стояли, несколько секунд, скреплённые рукопожатием, которое было больше, чем просто формальность. Это была печать. Точка невозврата.

Он отпустил мою руку первым.

— Отлично. Тогда действуем по плану. Сегодня после работы едем к моему юристу. Завтра — подаём заявление в ЗАГС. Через месяц мы официально женимся. До тех пор — полная конфиденциальность. На работе — всё как обычно. Старший мерчендайзер Ковригина и директор Громов.

— Всё как обычно, — повторила я, чувствуя, как абсурдность этой фразы наполняет меня странной, почти истерической силой. Ничего обычного уже не будет. Никогда.

— И, Ольга... — он вдруг запнулся, что для него было так неестественно, что я насторожилась. — Насчёт того инцидента в саду. Я... кое-что предпринял. Утром позвонил. Разъяснил отцу того мальчика, что дальнейшие попытки оскорблять моих будущих... членов семьи, — он выговорил это с лёгким усилием, — будут иметь для него неприятные последствия в деловой сфере. Он, как выяснилось, мой потенциальный контрагент. Он всё понял, принял, усёк короче.

Я замерла.

Он сделал это. Ещё до моего ответа. Зная, что я могу отказать. Просто потому что... потому что не мог не сделать.

Слёзы, которые я так яростно сдерживала с утра, навернулись на глаза. Но это были другие слёзы. Не от беспомощности. От того, что кто-то помогает, берет тебя на ручки и прижимает к себе, когда ты уже почти не можешь. Когда ты без сил падаешь.

— Спасибо, — выдохнула я, не в силах сказать больше и закусилу губу так, что мне показалось, сейчас пойдет кровь. Только бы не расплакаться сильнее.

— Не за что, — он отвернулся, сделав вид, что ищет что-то в бумагах на столе. Но я видела, как напряглась его шея. — Это входит в понятие «защита». Теперь иди. У тебя отдел ждёт. И помни: с сегодняшнего дня ты не просто борешься за выживание. Ты готовишь операцию по захвату... стабильности. И у тебя теперь есть тыл.

Я кивнула, не доверяя своему голосу, и вышла из кабинета.

Дверь закрылась. Я прислонилась спиной к холодной стене, закрыла глаза и сделала глубокий, глубокий вдох.

Внутри не было паники. Была тихая, оглушительная ясность. И та самая искра, что вспыхнула сегодня утром в саду, когда я наорала на Алексея, разгоралась теперь в настоящее, неукротимое пламя.

«Щит», — подумала я, открывая глаза и глядя на длинный, пустой коридор, ведущий в торговый зал. — «У меня теперь есть щит».

А потом, уже спускаясь по лестнице, ловя на себе удивлённые взгляды коллег, я подумала совсем другое.

«А что, если... это не просто щит? Что, если это начало новой армии? Моей армии».

И с этой дерзкой, безумной мыслью я расправила плечи и пошла навстречу своему отделу, своей работе, своей новой,

странной, невероятной и отчаянной жизни. Где через месяц я стану женой Ярослава Громова. И где мой бывший муж и все его мерзкие предложения разобьются о железобетонную реальность этого факта.

– Ковригина... Ольга! – услышала я недовольный голос из торгового зала и обернулась.

Блин-блинский, только не она.

Глава 19. Ой, какие мы грозные!

Я обернулась.

Из-за стойки с элитным вином выходила она. Алиса. Та самая, чей истеричный голос я только что слышала за дверью кабинета. Она была идеальна: безупречный кашемировый блейзер, юбка-карандаш, будто сошедшая с обложки, маникюр, стоивший, наверное, как моя недельная зарплата. И выражение лица — ледяное презрение, смешанное с плохо скрываемым любопытством хищницы.

Рядом с ней, как верный паж, топтался Пётр — тот самый, с «длинными ушами». Он смотрел на меня со смесью жалости и злорадства. По залу пополз шёпот. Продавцы замерли, делая вид, что раскладывают товар, но уши развесили по полной программе.

— Ковригина, – повторила Алиса, медленно приближаясь. Её каблук отчётливо цокали по плитке, отмеряя шаги, как барабанная дробь перед казнью. — Я тут к мужу зашла, по личному вопросу. А ты, как я слышала, тут уже вроде как хозяйкой ходишь? Раздаёшь указания направо и налево? Не слишком ли торопишься, милочка?

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Не от страха. От бешенства. Эта женщина пришла на мою территорию — не в кабинет, а прямо в торговый зал — чтобы публично унижить. Чтобы показать, кто тут главная. Она ду-

мала, я съёжусь, покраснею, попрошу прощения.

Внутри что-то щёлкнуло. Тот самый выключатель, который срабатывал, когда на моих детей кричали в саду или когда Алексей пытался меня затоптать.

Я не стала отступать. Наоборот, сделала шаг навстречу.

— Громова, — сказала я ровно, подчёркнуто используя её фамилию. — Ваши личные вопросы к Ярославу Викторовичу не должны касаться работы сотрудников. И уж тем более решаться в торговом зале в рабочее время. Вы мешаете процессу.

Вокруг кто-то ахнул.

Пётр закашлял.

Алиса лишь приподняла бровь, её губы растянулись в тонкую, ядовитую улыбку.

— Ой, простите, я и не знала, что тут такие строгие правила. Но раз уж на то пошло... — она оглядела зал, собирая внимание, как опытная актриса. — Я как законная жена — ну, почти ещё законная — имею право интересоваться, с кем мой муж проводит время. Особенно с такими... яркими сотрудниками. Мне тут Петя рассказывал, как вы вчера у директора в кабинете чуть ли не на столе... работали. Очень усердно.

Грязный, тупой намёк повис в воздухе.

Лица продавцов выражали всё: от возмущения до нездорового любопытства. Я видела, как девушка из отдела бытовой химии, Маша, которая всегда мне улыбалась, сейчас

смотрела в пол, смущённая.

Меня затрясло от желания запустить в эту идеальную укладку тяжёлой банкой солёных огурцов с верхней полки. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Ваши домыслы, Громова, — мой голос прозвучал строго и чётко, — это ваши личные проблемы. Мои отношения с Ярославом Викторовичем касаются только того, насколько хорошо работает магазин. Если Петру Николаевичу, — я посмотрела на бледнеющего заместителя, — больше нечего делать, кроме как распространять слухи, то, возможно, ему не так уж и нужно работать в нашем магазине.

Петра будто током ударило. Алиса же только фыркнула.

— Ой, какие мы грозные! Угрожать сотрудникам вздумала! Ярослав! — она повысила голос, обращаясь якобы к пустому пространству, но явно рассчитывая, что он услышит из кабинета. — Ты слышишь, как тут твоя новая любимица обращается с людьми? Она твоего зама уволить грозитя!

В этот момент дверь в подсобку открылась, и оттуда вывалился мой грузчик Витя, здоровенный парень с татуировкой «Мама» на бицепсе. Он тащил поддон с макаронами и, увидев всю эту сцену, замер как вкопанный.

— Алиса Викторовна, — сказал Витя своим басом, ставя поддон на пол с грохотом. — Вы чего людей с работы отвлекаете? У нас тут план. Ольга Антоновна план спускает, а вы тут... спектакль устраиваете. Нехорошо.

Неожиданная поддержка из самого простого и честного

источника заставила меня расправить плечи. Алиса же сме-рила Витю взглядом, полным такого презрения, будто он был не человек, а насекомое.

— Ты со своими ящиками разбирайся, грузчик, — отрезала она.

— Я своё дело знаю, — невозмутимо ответил Витя. — А вы, барышня, вроде не наша сотрудница. Вас и на территорию склада пускать не должны, по инструкции-то.

В зале кто-то сдержанно хихикнул. Алиса покраснела от злости. Она поняла, что теряет лицо. И решила пойти ва-банк.

— Знаешь что, Ковригина? — она шагнула так близко, что я почувствовала запах её дорогих духов. — Не строй из себя неприступную. Я всё про тебя знаю. Про твои долги. Про ипотеку. Про то, что муж тебя бросил с двумя детьми. Ты на мужиков кидаешься, потому что сама не потянешь. И мой Ярик для тебя — просто кошелёк на ножках. Так ведь?

Тишина в зале стала абсолютной. Даже Витя замер. Казалось, время остановилось. В её словах была та самая грязная правда, которую я боялась услышать от кого угодно. И она вывалила её здесь, при всех.

Но случилось странное. Вместо того чтобы сгореть со стыда, я почувствовала ледяной покой. Она только что сама подписала себе приговор. Публично. При свидетелях.

Я медленно выдохнула. А потом улыбнулась. Широко, открыто, почти дружелюбно. Такой улыбкой, от которой у Али-

сы на лбу появилась лёгкая складка непонимания.

— Вы удивительно осведомлены, Алиса Викторовна, — сказала я тихо, но так, чтобы слышали все. — Практически как коллекторское агентство. Или как обиженная бывшая жена, которая не может смириться с тем, что её мужчина наконец-то обратил внимание на женщину, которая не изменяет ему с первым встречным, забеременев от другого.

Теперь ахнули все. Пётр сделал шаг назад, будто от чумной. Лицо Алисы исказила гримаса бешенства.

— Да как ты смеешь?! Я тебя...

— Что? Уволю? — перебила я её, повышая голос. — У вас нет таких полномочий. Оскорбите? Пожалуйста, протокол составим, свидетели есть. Позовёте мужа? — Я сделала театральную паузу, наслаждаясь моментом. — А знаете, Алиса Викторовна, у вас прямо талант — появляться в самый нужный момент. Буквально несколько минут назад я как раз обсуждала с Ярославом Викторовичем один важный личный вопрос. Как раз о будущем. И о семьях. И знаете, что мы решили?

Я посмотрела ей прямо в глаза. В её взгляде промелькнул животный страх. Она что-то почуяла. Что-то очень, очень нехорошее.

— Мы решили, — продолжала я, обводя взглядом замерший зал, — что иногда, чтобы построить что-то новое и светлое, нужно решительно закрыть старые, гнилые страницы. Со всеми их сплетнями, интригами и... неверностью.

Я сделала ещё один шаг вперёд, понизив голос до интимного, ядовитого шёпота, который, однако, был отлично слышен в гробовой тишине.

— И что вы думаете, Алиса Викторовна? Он согласился со мной. Так что ваши визиты сюда... ну, они теперь не просто неуместны. Это даже невежливо для бывшей. Очень бывшей.

Я видела, как кровь отливает от её лица. Она побледнела, как полотно. Её губы задрожали. Она посмотрела на Петра, но тот уставился в пол, отрекаясь ото всего. Она обвела взглядом зал — и увидела там не сочувствие, а любопытство, а у некоторых — даже злорадство. Её спектакль провалился с треском.

— Ты... ты ничего не понимаешь... — выдохнула она уже без прежней мощи, голос сорвался на фальцет.

— Понимаю, — кивнула я, вдруг почувствовав неожиданную, почти милосердную усталость от всей этой грязи. — Понимаю, что вам пора. Маршрут вам известен? Или Витя поможет вынести... ваше самолюбие? Оно, кажется, довольно тяжёлое.

Витя, будто дождавшись команды, громко крикнул и сделал шаг вперёд, сверкая бицепсами.

Алиса, не сказав больше ни слова, резко развернулась и, едва не сломав каблук, вышла из зала.

В зале на секунду повисла тишина, а потом раздался сдержанный, но дружный смешок. Маша из отдела бытовой хи-

мии подошла и тихо сказала:

— Оль, ты крутая.

Я кивнула, чувствуя, как адреналин начинает отступать, оставляя после себя лёгкую дрожь в коленях.

В этот момент дверь кабинета директора снова открылась. Оттуда выплыла Алиса. Она не смотрела ни на кого, шла, уставившись перед собой, с совершенно пустым лицом. Прошла по залу и скрылась за стеклянными дверями.

Через мгновение в дверном проёме появился Ярослав Викторович. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня через весь зал. Его лицо было непроницаемым. Потом он медленно, очень медленно, одними губами, беззвучно произнёс:

— Браво... жена.

И скрылся в кабинете.

Я обернулась к своему отделу, к замершему в ожидании Вите, к продавцам, которые смотрели на меня теперь с новым, испытующим уважением.

— Ну что, — сказала я, хлопая в ладоши так, что эхо разнеслось по залу. — Спектакль окончен. Артистке пора на бис — отчитываться по продажам непродуктивных товаров. Всем за работу! У нас, между прочим, план!

И под смех и оживлённый гул я пошла к своим стеллажам, чувствуя за спиной восхищённый взгляд грузчика Вити, который прошептал своему напарнику что-то вроде:

— Говорил я тебе, наш новый старший — баба с яйцами!

Не мечи бисер, в натуре.

Глава 20. Подписание контракта.

Как и обещал, ровно в пять Ярослав появился у моего отдела. Не звал и не слал Петра — вышел сам, в пальто, с ключами в руке.

— Ольга, вы свободны? — спросил он так же сухо и деловито, как если бы речь шла о внеплановой инвентаризации.

— Да, Ярослав Викторович. — Я поставила планшет на стойку и сняла бейдж.

— Тогда поехали. У меня машина у служебного входа.

Машина оказалась не вычурным внедорожником, как я почему-то ожидала, а солидным тёмным седаном, выглядевшим так, будто его только что выкатили из автосалона. В салоне пахло кожей и чем-то холодным, чистым, как сам его владелец.

Первые несколько минут ехали молча. Тишину нарушал лишь мягкий гул двигателя.

— Блестяще выступили сегодня, — наконец произнёс он, не отрывая глаз от дороги.

— Спасибо. Это была скорее... импровизационная защита.

— Самозащита с элементами контрнаступления, — поправил он, и в уголке его глаза я поймала знакомую искорку.

— Признаться, ожидал, что вы сбежите в слезах в подсобку. Но вместо этого вы решили подготовиться и устроить атаку.

Это... впечатляет.

— Я уже отработала свою норму слёз на сегодня утром, — честно сказала я. — Да и Витя с его поддоном макарон в качестве моральной поддержки окрыляет.

Ярослав тихо хмыкнул.

Офис юриста располагался не в стеклянной высотке в центре, а в уютном старом особнячке в тихом переулке. Всё внутри дышало дорогой, но не кричащей солидностью: тёмное дерево, кожаные кресла, книги в половину стены.

Сам юрист, мужчина лет пятидесяти с умными, внимательными глазами и сединой у висков, представился как Артём Геннадьевич. Он поздоровался со мной без тени смущения или неуместного любопытства, будто оформление брачных контрактов для людей, впервые увидевших друг друга вчера, — его обычная практика.

Процесс оказался на удивление быстрым и... скучным.

Артём Геннадьевич говорил спокойным, ровным голосом, излагая сухие юридические формулировки. Контракт был толстым. В нём было всё: мои финансовые обязательства (никаких, кроме символической «эмоциональной поддержки в публичных ситуациях»), его финансовые обязательства (погашение ипотеки, отдельный счёт на детей, «стартовый капитал» после развода), условия расторжения (по истечении двух лет или по взаимному согласию раньше), пункт о неразглашении, штрафные санкции за нарушение контракта...

Когда я читала это, мне казалось, что я не невеста, а руководитель маленькой компании, который подписывает важный договор с большой и известной корпорацией.

— Здесь, Ольга Антоновна, вам нужно поставить подпись, — указал юрист на последнюю страницу.

Ручка в моей руке на секунду замерла. Я посмотрела на Ярослава. Он уже подписал, его росчерк был уверенным и размашистым. Он смотрел на меня, ожидая.

Я выдохнула и поставила свою подпись. Чётко, без дрожи. «Ковригина О.А.». Всё. Теперь я официально продалась... нет, не продалась. Вступила в стратегический альянс. Да.

Артём Геннадьевич аккуратно сложил документы, вложил их в папку и протянул копию мне.

— Поздравляю с началом сотрудничества, — сказал он с лёгкой, профессиональной улыбкой. — Все дальнейшие шаги мы с вами согласуем. Жду звонка после визита в ЗАГС.

На улице уже стемнело. Фонари зажигали в переулке жёлтые пятна света.

— Ну что, партнёр, — произнёс Ярослав, растирая руки от мороза. — Документы подписаны. Пора обмывать сделку. Я знаю неплохой ресторан, где...

— Спасибо, Ярослав Викторович, — мягко, но твёрдо перебила я его. — Но я... я должна ехать домой.

Он замер, явно удивлённый.

— Домой? — переспросил он. — Я думал, мы отметим начало нашего... предприятия.

— У меня там своё, не менее важное предприятие, — улыбнулась я, пряча руки в карманы пальто. — Где на меня уже полдня обижается плюшевый динозавр по имени Лабубу, потому что его хозяйка утром убежала, не дорисовав ему пятнышко на хвосте. Где мама наверняка приготовила борщ и сейчас смотрит на часы. И где маленький стратегический партнёр по имени Сережа, возможно, уже который час показывает пальцем на дверь и бубнит «ма-ма-ма-ма», чем сводит бабушку с ума.

Ярослав молча смотрел на меня, и в его глазах я прочитала целую гамму эмоций: лёгкое разочарование, понимание, и что-то ещё... может быть, уважение к моему «нет».

— Ты права. Семейные манёвры важнее. Тогда как насчёт... пиццы? С доставкой на дом, в ваш штаб.

Это было настолько неожиданно и по-человечески, что я рассмеялась.

— Пицца? Серьёзно? Вы, с вашими ресторанами и суши-баром?

— Что вы, Ольга Антоновна, — он открыл передо мной дверь машины с преувеличенной галантностью. — Я человек простой. Иногда. И я помню, что у вас в холодильнике, скорее всего, борщ. А пицца с ананасами — это святое. Для детей. И для поднятия боевого духа их матери. Или я ошибаюсь насчёт ананасов?

Я села в машину, всё ещё смеясь.

— Вы ошибаетесь насчёт ананасов, Ярослав Викторович.

Настоящие стратеги берут «Четыре сыра». И колу. Много колы. Это закон.

— «Четыре сыра» и кола, — кивнул он, садясь за руль и заводя двигатель. — Принято к исполнению, госпожа Ковригина. Адрес штаба мне известен.

— Хорошо, — кивнула я, глядя в тёмное стекло, где отражалось его профиль. — Везите. Только чур, без ресторанных церемоний. У нас там свой дресс-код — пижамы с мишками и следы фломастера на руках.

— Обещаю вести себя прилично, — сказал он с лёгкой и усталой иронией. Я начала понимать, что это был его способ улыбаться. — По крайней мере сегодня.

Глава 21. Четыре сыра

Дорога домой проходила в приятном, почти расслабленном молчании. Я уже мысленно раскладывала по тарелкам воображаемую пиццу, как вдруг зазвонил телефон. Мама.

— Олечка, — её голос звучал взволнованно. — Ты Катю забрала?

Лёд пробежал по спине.

— Какую Катю? Мам, ты же сегодня ее забираешь! У тебя же Сережа...

— Коляска сломалась, колесо отвалилось совсем! — почти плакала мама. — Мы никуда не смогли выехать, я весь день промучилась, думала, ты сама заберёшь, раз я не предупредила... Господи, она же одна в садике осталась!

У меня похолодело внутри.

В голове пронеслись картины: пустой сад, закрытые двери, Катя одна в раздевалке... Я глянула на часы. До закрытия оставалось десять минут.

— Всё, мам, не волнуйся. Я уже еду.

Я выдохнула и повернулась к Ярославу, который уже по моему тону всё понял.

— В сад. Срочно. Я думала мама сможет...

Он не сказал ни слова.

Резко, почти грубо, развернулся на перекрёстке, нарушая все правила, и нажал на газ. Навигатор забеспокоился, пред-

лагая развернуться, но он просто выключил звук.

— Адрес, — бросил он сухо.

Я продиктовала. Машина рванула вперёд, ловко лавируя между потоками машин. Я молча сжимала кулаки, ругая себя последними словами. Как так вышло? Как я могла так подвести своего ребёнка?

— Дыши, — резко сказал Ярослав, не глядя на меня. — Сейчас главное — успеть.

Мы подлетели к саду за две минуты до официального закрытия. Ворота уже были прикрыты, свет в окнах горел только в одной группе. Я выскочила из машины, даже не закрыв дверь, и бросилась к входу.

Дверь была заперта.

Я начала бешено звонить и стучать. Через минуту на пороге появилась заведующая, Марина Геннадьевна, с неодобрительным лицом.

— Ольга Антоновна, ну как же так?! Что же вы? Мы уже собирались...

— Где Катя? — перебила я её, едва сдерживаясь, чтобы не вломиться внутрь.

— В группе, с Натальей Петровной. Девочка, конечно, расстроилась... плачет.

Я проскочила мимо неё в раздевалку. Моя девочка сидела на лавочке, уже одетая, с опухшим от слёз лицом, крепко прижимая к себе Лабубу. Увидев меня, её губы задрожали, и она громко всхлипнула.

— Ма-ам! Я думала, ты про меня забыла-а-а-а-а!

— Солнышко, родная, никогда! — я присела перед ней, обнимая её холодные пальчики. — Это мама плохая, мама всё перепутала. Прости меня, пожалуйста.

Катя кивнула, уткнувшись мокрым лицом мне в шею. В этот момент в раздевалку вошёл Ярослав. Он молча постоял в стороне, наблюдая за сценой. Его появление заставило заведующую умолкнуть на полуслове.

— Виноват целиком и полностью я, Марина Геннадьевна, — сказал он ровным, но таким весомым тоном, что у заведующей сразу вытянулось лицо. — Из-за моих служебных задач Ольга Антоновна вынуждена была задержаться. Примите, пожалуйста, наши глубочайшие извинения за беспокойство. И, разумеется, компенсацию за внеурочное время воспитателя. — Он достал из внутреннего кармана пиджака чековую книжку (не думала, что они у кого-то ещё остались?!), быстро что-то написал и протянул листок ошеломлённой заведующей.

Та, автоматически взяв бумажку, заморгала.

— Ярослав Викторович, не стоит так...

— Стоит, — мягко, но не допуская возражений, парировал он. — Мы ценим ваш труд и терпение. И ещё раз прошу прощения.

Потом он повернулся к Кате, которая смотрела на него широкими глазами из-за моего плеча.

— Катерина, — сказал он. — В이니шь маму?

Катя медленно покачала головой.

— В이니шь того, кто её задержал? То есть меня?

Она снова покачала головой, потом прошептала:

— Я просто испугалась.

— Правильно сделала, что испугалась, — серьёзно сказал Ярослав. — Настоящий лидер всегда оценивает риски. Но теперь угроза миновала. И в качестве компенсации за моральный ущерб полагается срочная доставка на дом... особого груза. Ты только должна помочь с погрузкой. Справишься?

Катя кивнула, уже с интересом.

— Справлюсь!

Через десять минут мы уже ехали обратно. Катя на заднем сиденье, притихшая, но уже не плачущая, сжимала в руке шоколадный батончик, который Ярослав каким-то чудом извлёк из бардачка.

— Пицца, — вдруг сказала я, снова вспомнив. — Ты же заказывал...

— Курьер в пути, — не отрываясь от дороги, ответил он. — С поправкой на время. Прибудет к моменту нашего прибытия.

Я просто смотрела на его профиль, освещённый огнями фонарей. Он всё продумал. Всё проконтролировал. Даже в этой хаотичной ситуации.

Когда мы подъехали к дому, из окна выглядывала мама, но теперь её лицо было бледным от тревоги. А на пороге

подъезда стоял... курьер с тремя огромными коробками, похожими на те, что были в моих мечтах. Он переминался с ноги на ногу, явно замерзая.

— Вот ваш заказ, — сказал он, увидев меня.

— Спасибо, — за меня ответил Ярослав, выходя из машины и беря коробки.

Мы поднялись в квартиру. Мама засыпала нас вопросами, извинениями, но, увидев Катю — уже спокойную и с батончиком в руке, — немного успокоилась. Сережа, как всегда, радостно топотал вокруг.

Пока мы раскладывали пиццу, я поймала себя на мысли, что наблюдаю за Ярославом. Он стоял у нашего тесного кухонного стола, сняв пиджак и закатав рукава дорогой рубашки, и помогал Кате открывать коробку с «Четырьмя сырами». Делал он это с той же сосредоточенной серьёзностью, с какой, наверное, подписывал многомиллионные контракты.

— Инвентаризация пиццы, командир, — сказал он Кате. — Проверяем: сыр — есть, томаты — есть, базилик... где базилик? А, вот он, спрятался. Всё в норме. Можно приступать к ликвидации.

Катя торжественно кивнула и отломала первый кусок.

Мой телефон вибрировал. Сообщение от него же, хотя он стоял в трёх шагах.

«Сегодняшний форс-мажор доказал: система работает. Ваша машина завтра будет доставлена к дому. Спокойной ночи, партнёр.»

Я подняла глаза.

Он смотрел на меня, держа в руке кусок пиццы с ветчиной и грибами. И в его взгляде не было ни упрёка на забывчивость, ни раздражения из-за сорванного вечера. Была лишь лёгкая, усталая усмешка и... удовлетворение от хорошо выполненной работы.

— Спокойной ночи, — ответила я вслух. — И... спасибо. За всё.

Он просто кивнул, откусил пиццу, и сыр потянулся у него до самого подбородка. В этот момент, я просто захотела убрать эту сырную ленту, намотать на палец и положить себе в рот. Желание было таким сильным, что рука практически потянулась к лицу моего начальника и будущего мужа. Но что-то меня остановило, наверно здравый смысл.

— Мама, — прошептала Катя, залезая ко мне на колени с куском пиццы. — Он хороший дядя. Настоящий. Он тебе поможет, да?

Я обняла её, глядя на Ярослава, который теперь объяснял Сереже, почему сыр тянется.

— Да, солнышко, — тихо ответила я. — Кажется, поможет.

Глава 22. Разговоры о прошлом.

Детей удалось уговорить на сон только после третьей сказки и личного обещания Ярослава, что «стратегические запасы пиццы» будут пополняться.

Мама, которая очень устала за день из-за сломанной коляски, тоже сдалась и пошла в свою комнату пить ромашковый чай, чтобы успокоиться.

Кухня погрузилась в тишину, нарушаемую только тиканьем часов. Свет от потолочной люстры стал мягче, как будто смешался с запахом сыра и помидоров. Я убирала со стола бумажные салфетки и пустые коробки. Тарелки и кружки ставила в мойку.

– Давай я, — его голос прозвучал прямо за спиной. Он взял у меня из рук мусор, его пальцы слегка коснулись моих. И я вздрогнула. Затем он быстро вымыл посуду и вытер мокрые ладони кухонным полотенцем. Кажется, я потеряла дар речи. Давно я не наблюдала подобного – чтобы мужчина мыл посуду. Похоже, мир и правда изменился. – Присядем? Чай ещё есть.

Мы сели за стол. Я налила остатки чая из маминого старенького заварочного чайника в две простые кружки. Поставила вазочку с персиковым вареньем.

– Похоже, она многое повидала, — усмехнулся он, разглядывая трещину на ручке своей кружки. Она была намертво

замазана клеем, поэтому до сих пор служила верой и правдой.

— Это бабушкины, — парировала я и улыбнулась, — достались по наследству.

Тишина снова повисла между нами, но на этот раз она не была неловкой. Она была другой.

— Знаешь, а я сегодня чуть не купил тебе бриллиант, — вдруг сказал он, не глядя на меня, а наблюдая, как в его кружке тонет чайинка. — Когда увидел, как ты выходишь из туалета тогда, после звонка. С опухшим лицом. Подумал: ей нужен бриллиант. Самый большой и холодный. Чтобы положить на грудь и почувствовать, что хоть что-то в этом мире твёрдое и настоящее.

Я замерла, не зная, что сказать. Он отпил чаю и продолжил, уже глядя в окно на тёмный двор.

— Моя бывшая жена радовалась бриллиантам неделю, а потом ей уже нужен был новый. Я был для нее как алмазный рудник — удобный и надежный, но без души. Когда я перестал давать ей то, что она хотела, она пошла искать другой рудник. Беременность от другого мужика — это был её последний отчаянный ход. Она думала, это заставит меня вернуться или купить ей ещё больше камней. — Он горько усмехнулся. — Лица, наша дочь, видела всё это. И теперь она смотрит на меня так, будто я всё испортил. Не удержал семью. Будто это я все разрушил.

Он замолчал.

Я не знала, как его утешать. Молча протянула ему печенье из жестяной коробки. Он взял, разломил пополам.

— А твой? — спросил он тихо. — Дарил тебе бриллианты?

— Мой что? Бывший? — Я вздохнула. — Мой даже цветы мне не дарил. Он хотел, чтобы я была вечным и бесплатным «тылом». Чтобы дети росли тихо и не мешали ему «расслабляться» после работы. А когда ипотека, двое детей и уставшая жена перестали вписываться в его картину «успешной жизни», он просто... слился. Оставил записку. «Устал. Не могу». Вот и всё.

— Подонок, — четко и безэмоционально констатировал Ярослав.

— Да, — согласилась я. — Но я все же ему благодарна.

Он поднял на меня удивлённый взгляд.

— Благодарна за то, что он ушёл так рано. Не дождался, пока Сережа начнёт звать его «папой». Не успел окончательно разбить детям сердце. И... благодарна за урок. Он научил меня, что мужчина, который боится ответственности, хуже, чем никакой. Он — яма, прикрытая ветками.

Мы снова помолчали, и это молчание было уже другим. В нём не было боли. Была странная лёгкость, как после признания, которое больше не нужно носить в себе одному.

— Ли́ка в четырнадцать лет влюбилась в одноклассника, — вдруг сказал Ярослав. — Он подарил ей на день рождения наушники. Дешёвые, китайские. Она проносила их, пока провод не перетёрся. Так вот, она до сих пор хранит их

в коробке из-под этих наушников. Я купил ей тогда профессиональные, в десять раз дороже. Она сказала «спасибо» и положила в шкаф.

– Ты ревновал? — улыбнулась я.

– Ужасно, — признался он. — Не к мальчику. К этим дурацким наушникам. К тому, что они для неё значили намного больше, чем мои.

– Катя в прошлом месяце подарила мне камешек. Гладкий, с дырочкой. Нашла в песочнице. Сказала, что это талисман, чтобы я не уставала. Я ношу его в кармане.

Я достала из кармана джинсов тот самый серый камешек и положила на стол между нами.

Ярослав внимательно посмотрел на него, потом на меня. Потом осторожно, как артефакт, взял его в руки и провел пальцем по гладкой поверхности.

– Этот камень дороже алмаза, — тихо сказал он и вернул его мне. Он положил камень мне в руку и аккуратно сжал мой кулак.

Наши взгляды встретились и зацепились. В его глазах, обычно таких острых и собранных, сейчас была какая-то глубокая, тихая усталость и... понимание. Полное, безоговорочное.

Он медленно встал, отодвинув стул. Подошёл ко мне. Я не шевельнулась, затаив дыхание. Он наклонился, и на секунду я почувствовала лёгкий, свежий запах его одежды и кожи. Его губы коснулись моей щеки — мягко, почти невесомо, но

с такой сосредоточенной теплотой, что по спине пробежали мурашки.

– Спокойной ночи, Оленька, — прошептал он мне в ухо, и его голос был низким и тёплым, как этот поздний вечер.

– Спокойной ночи.

Потом он выпрямился, взял со спинки стула свой пиджак и, не оборачиваясь, вышел на кухню, в прихожую. Остановился, развернулся и посмотрел мне в глаза.

– Не забудь паспорт, мы завтра женимся.

Я слышала тихий звук закрывающейся двери, но мое сердце стучало в два раза сильнее.

Глава 23. Ну, здравствуй, моя драгоценная невеста.

На следующий день в «Уюте» витало странное напряжение. Все взгляды были прикованы ко мне. Вчерашняя сцена с Алисой и мой внезапный уход с директором сделали меня главной темой для пересудов. Когда я появилась в торговом зале, Петр демонстративно закашлялся и поспешил скрыться в подсобку.

Я старалась погрузиться в работу, но мысли путались. Планшет то и дело выскальзывал из рук. Я проверяла выкладку болгарских шуруповёртов в отделе инструментов, когда услышала за спиной его голос.

— Ольга Антоновна, отчёт по сезонному спросу на перфораторы готов?

Я обернулась. Ярослав стоял всего в двух шагах от меня, безупречный в своём тёмно-сером костюме. В его глазах, которые он не сводил с планшета в моих руках, светилась всё та же усмешка, что и на кухне за чаем.

— Ещё нет, Ярослав Викторович, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я заканчиваю анализ по расходникам — дискам для болгарок и свёрлам. Перфораторы — следующая точка в плане.

— Сдвиньте приоритеты, — сказал он деловым тоном, но

уголок его рта дрогнул. — Ударный инструмент... в данный момент стратегически важнее. И подготовьтесь к выездному совещанию в двенадцать. По вопросам... долгосрочного партнёрства. Вам понадобятся документы.

Наши взгляды встретились на секунду, и в его глазах я прочла не только намёк на ЗАГС, но и обещание чего-то большего. Он стоял у стеллажа с аккуратно сложенными банками краски. Этот контраст между его безупречным видом и бытовыми деталями вызвал у меня легкую улыбку.

— Поняла, — кивнула я, чувствуя, как тепло разливается по щекам. — Подготовлю всё необходимое.

Он кивнул и, не спеша, пошёл вдоль ряда полок, делая вид, что проверяет ассортимент разводных ключей. Через пять минут в рабочем чате отдела пришло сообщение: «Ковригина, ко мне в кабинет. С отчётом». Коллеги переглянулись.

В кабинете он сидел за столом, но стоило мне закрыть дверь, как его поза сменилась. Он откинулся в кресле, глядя на меня уже без маски начальника.

— Нервничаешь? — спросил он просто.

— Немного, — призналась я. — Здесь все на иголках. Даже болты на полках, кажется, притихли.

— Пусть сидят на своих шпильках, — парировал он. — Через пару месяцев у них будет новая тема для обсуждений. А мы с тобой станем... скучными сослуживцами, которые поженились и живут себе тихо. Как шуроп в бетоне — на-

дёжно и незаметно.

— Выглядит как план, — улыбнулась я и довольно потерла вспотевшие ладошки.

— Это и есть план, партнёр. — Он взглянул на часы. — Готовься к «совещанию». Я заеду к служебному входу ровно в двенадцать.

В двенадцать ноль пять его машина уже ждала. Я села на пассажирское сиденье, положила на колени паспорт. Было странно и нереально.

— Всё в порядке? — он положил свою руку поверх моей, и его пальцы сцепились с моими. Ладонь была тёплой и твёрдой, как рукоятка качественного молотка.

— Всё в порядке. Просто... никогда не думала, что буду выходить замуж в обеденный перерыв между проверкой шуруповёртов и заказом наждачной бумаги.

— Самые надёжные соединения, — парировал он, заводя двигатель, — создаются на голодный желудок. Иначе можно перетянуть гайку или, наоборот, недотянуть. А нам нужна золотая середина.

Я рассмеялась, и напряжение начало таять, как припой на паяльнике.

В ЗАГСе было немногочисленно. Мы подали заявление, молча, сосредоточенно заполняя бланки. Когда сотрудница забрала документы и назначила дату — ровно через месяц, — мы вышли на крыльцо, и нас обдало холодным ветром.

— Вот и всё, — сказал Ярослав, глядя куда-то вдаль. —

Обратного пути нет, партнёр. Теперь ты официально моя... сантехническая проблема под раковиной.

— А вы — моя, — ответила я, поднимая на него глаза.
— Самая дорогостоящая и амбициозная лазерная рулетка с внезапно севшей батареей.

— Это взаимно, — он улыбнулся, и в этот раз улыбка была настоящей, без тени усталости. — По рукам?

И снова, как вчера в кабинете, мы пожали друг другу руки. Но на этот раз его рука задержалась в моей чуть дольше, создавая идеальное, неподвижное соединение.

А потом он медленно ее перевернул и нежно поцеловал пальчики.

От его поцелуя мне стало так хорошо и тепло, что я сразу вспомнила Фаину Раневскую с ее знаменитой фразой:

*“Не можете никак понять, нравится ли вам молодой человек? Проведите с ним вечер. Вернувшись домой - разденьтесь. Подбросьте трусы к **потолку**. Прилипли? Значит нравится.”*

Вечером, когда дети уже были накормлены, а я пыталась собрать раскиданные по всему полу детали от пластикового конструктора Сережи, в дверь позвонили. На пороге стоял Ярослав. В одной руке у него была огромная коробка, а в другой он держал сложенную компактную тёмно-синюю коляску-трость, самую современную модель, какую я только видела в витринах.

— Ну, здравствуй, моя драгоценная невеста, — сказал

он, внося всё это в прихожую. — Это по контракту. Статья «Обеспечение мобильности союзных войск».

Из гостиной выбежал Сережа. Увидев коляску, он замер, широко раскрыв глаза.

— Ка-ся! — восторженно пролепетал он и пополз к ней со скоростью отбойного молотка.

Ярослав легко разложил коляску одним движением. Сережа, визжа от восторга, стал тыкать в неё пальцами, пробуя на прочность.

— Ярослав, это... Это слишком. Она же очень дорогая, — прошептала я, глядя на лёгкую раму и кожаную отделку.

— Для главного стратегического партнёра по дому — в самый раз, — отрезал он. — К тому же, старая вышла из строя по моей вине. Я должен был предусмотреть её проверку перед передачей в эксплуатацию. Это не подарок. Это... ремонт по гарантии. Как замена прохудившегося смесителя.

Похоже, наш юмор переходил на новый уровень.

Мама, выйдя из кухни и увидев коляску, ахнула и поднесла руку ко рту. Катя же подошла к Ярославу и серьёзно посмотрела на него снизу вверх.

— А маме ты тоже что-нибудь пливёз?

Ярослав замер на секунду, затем медленно достал из внутреннего кармана пиджака небольшой бархатный мешочек. Он развязал шнурок и высыпал мне на ладонь... тот самый серый камешек с дырочкой. Теперь он был оправлен в тонкое серебряное кольцо, превратившись в кулон.

— Это не бриллиант, — тихо сказал он, и его взгляд снова стал тёплым, как вчера вечером. — Это — талисман. Чтобы не уставала. Только теперь официальный. По контракту.

Я сжала кулон в ладони. Камешек, согретый его рукой, казался горячим. В горле встал ком.

— Спасибо, — удалось мне выдавить.

— Не за что, — он кивнул, а потом обратился к детям: — Ну что, команда, завтра тестируем новую технику? В парк? Проверим ходовую и амортизацию.

Сережа что-то радостно залопотал, а Катя, подумав, важно кивнула.

— Ладно, мне пора, — сказал Ярослав. — Завтра утром важные переговоры с поставщиками детского восторга... то есть, мороженого. Спокойной ночи... малыши.

Он вышел.

Я стояла в прихожей, сжимая в руке кулон, а вокруг меня прыгал Сережа, обнимавший колесо новой коляски, и Катя, внимательно рассматривающая коробку (в которой, как выяснилось, был конструктор «Юный сантехник»).

Мама молча смотрела на меня, и в её глазах я увидела не тревогу, а тихую, светлую надежду.

Я подошла к окну. Его чёрный седан ещё стоял у подъезда, и в салоне горел свет. Он сидел за рулём, неподвижный, уставившись в пространство перед собой. Потом он вздохнул, так глубоко, что это было видно даже издали, и медленно тронулся с места.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от начальника:

«Заявление принято. Отступать некуда. Спокойной ночи, Оленька. P.S. Завтра проверь остатки анкерных болтов двадцать на сто».

Я ответила: «Я и не собираюсь отступать. Спокойной ночи, Ярослав. Болты будут пересчитаны».

Глава 24. Я не хотела...

мне так стыдно...

На следующий день после подачи заявления в ЗАГС работа шла своим чередом. Я проверяла остатки сифонов, стараясь не думать о вчерашнем поцелуе в ладонь и о его сообщении про анкерные болты. Каждый раз, когда в торговый зал входил высокий мужчина, сердце на секунду замирало, но это оказывался не он. Я ловила себя на мысли, что постоянно смотрю на часы.

Именно в такой момент, когда я пересчитывала коробки с дюбелями, я услышал голос, от которого кровь застыла в жилах.

– Ну надо же, кого я вижу! Начальница всего строительного отдела!

Я медленно обернулась.

Передо мной, расставив ноги и засунув большие пальцы за ремень дорогих джинс, стоял мой бывший муж. Он сиял самодовольной ухмылкой и рассматривал меня с ног до головы, как товар на полке.

– Леха... – вырвалось у меня. – Что тебе нужно?

– Что нужно? Сантехнику выбираю, – развел он руками, оглядывая отдел. – Квартиру новую купил, надо обустроить. А тут, говорят, консультанты хорошие работают. Осо-

бенно одна... разведенка с прицепом, но руки, говорят, золотые. И не только руки, да?

Он громко рассмеялся своим похабным шуточкам. Краем глаза я увидела, как замерла девушка-кассир, а грузчик Витя нахмурился, перестав разгружать поддон с унитазами.

– Не здесь и не сейчас, Леш, – сквозь зубы сказала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки стыда и ярости. – Уходи.

– А что, публика мешает? – он нагло приблизился, снизив голос до ядовитого шёпота, который, однако, был слышен в наступившей тишине отдела. – Или твой новый, начальничек, не позволяет чужим мужикам к новой пассии подходить? Он тебя уже на содержание взял? Или только пробует?

Каждое слово било по больным местам, вскрывало старые раны. В глазах потемнело, а в горле встал ком.

– Заткнись, – прошептала я, но голос предательски дрогнул.

– Ой, обиделась! – с фальшивым сочувствием воскликнул он. – Ну прости, не хотел. Просто вспомнил, как ты ночами ревела, когда я уходил. Говорила, что без меня пропадёшь. И что? Не пропала. Мужика вон нового нашла. Только вот я смотрю, всё та же... несчастная и вечно униженная. Работаешь тут за копейки, пока он, наверное, в своём кабинете сидит. Он-то тебя всерьёз берёт? Или поиграется и бросит, как...

Он не успел договорить.

Откуда-то слева, из-за стеллажа с трубами, раздался го-

лос. Негромкий, ровный, но такой, от которого по коже пробежал ледяной озноб. Голос, в котором не было ни капли его вчерашней теплоты.

– Ты закончил свои грязные консультации, мужик?

Ярослав вышел из-за угла. Он шёл не быстро, но каждая его поступь отдавалась гулко в наступившей гробовой тишине. Он был без пиджака, рукава рубашки закатаны, но в этот момент он выглядел не как директор, а как хищник, вышедший на охоту. Его взгляд, холодный и острый как скальпель, был прикован к Алексею.

Алексей на мгновение опешил и сделал шаг назад, но потом, собравшись с духом, выпрямился.

– А, это тот самый... Мы просто с бывшей женой беседуем. Старые грешки вспоминаем.

– На территории моего магазина вы можете беседовать исключительно о товарах, представленных в ассортименте, – отрезал Ярослав, останавливаясь в метре от него. Его физическое присутствие, его рост и собранная, готовая к действию энергия заставили Алексея инстинктивно отступить еще на полшага. – Всё остальное, особенно в таком тоне и с такими формулировками, я расцениваю как хамство, домогательство и причинение морального вреда моему сотруднику на рабочем месте.

– Твоему сотруднику? – фыркнул Алексей, пытаясь сохранить браваду. – Да она...

– Она – старший мерчендайзер отдела и ценный специа-

лист, – голос Ярослава стал тише, но от этого только опаснее. – А вы – постороннее лицо, которое мешает работе. Вы либо немедленно извиняетесь перед Ольгой Антоновной и покупаете что-нибудь, желательно самое дорогое, что есть в этом отделе. Либо я вызываю охрану и составляю на вас протокол о нарушении общественного порядка с дальнейшей передачей в правоохранительные органы. Учитывая мои связи, вам обеспечена беседа в участке и административный штраф. Как минимум.

Он говорил спокойно, без криков и угроз. В его словах чувствовалась уверенность и контроль над ситуацией. Алексей побледнел и посмотрел на меня, потом на Витю, который шел к нам, скрестив руки на груди. Лицо Ярослава было каменным и серьезным.

– Да пошла ты... – буркнул он уже без прежней уверенности, развернулся и быстрым шагом, почти бегом, направился к выходу, споткнувшись о ножку выставочного умывальника.

Тишина в отделе стала оглушительной. Я стояла, сжимая планшет так, что пальцы побелели, стараясь сдержать дрожь в коленях и подступающие слёзы. Позор, гнев, унижение – всё накрыло с новой силой.

– Витя, проследи, чтобы этот господин покинул территорию гипермаркета, – абсолютно спокойно сказал Ярослав, не отрывая от меня взгляда. – И закройте отдел на пятнадцать минут на санитарную обработку.

Потом он шагнул ко мне.

– За мной, – сказал он коротко, и в его голосе прозвучала не просьба, а приказ, от которого невозможно было послушаться.

Я, как автомат, пошла за ним по коридору, не видя ничего перед собой. Мы вошли в его кабинет. Дверь закрылась с тихим щелчком. И как только этот щелчок раздался, всё внутри рухнуло. Слезы, которые я с таким трудом сдерживала, хлынули потоком. Я закрыла лицо руками, подавленно всхлипывая, чувствуя, как меня всю трясёт от нервной дрожи.

Я слышала, как он подошёл. Потом его руки легли мне на плечи – твёрдо, но нежно.

– Всё, Оля. Всё, уже всё. Он ушёл.

Его голос был совсем другим – низким, тёплым, успокаивающим. Он медленно развернул меня к себе и, не говоря больше ни слова, просто притянул к себе. Я уткнулась лицом в ткань его рубашки, в тёплое, твёрдое плечо, и дала волю слезам. Он не гладил меня по голове, не говорил пустых утешительных слов. Он просто стоял и держал, одной рукой обнимая за плечи, а другой прижимая к себе, давая мне выплакать весь стыд, всю накопившуюся боль и унижение.

– Прости... – выдавила я сквозь рыдания. – Я не хотела... мне так стыдно...

– Ты не должна извиняться, – тихо, но очень чётко сказал он мне прямо в волосы. – Это он должен. И он извинится. Я

прослежу за этим.

Постепенно рыдания стали стихать, осталась лишь тихая дрожь и мокрое от слёз пятно на его рубашке. Я попыталась отстраниться, но он не отпустил, лишь ослабил хватку. Я подняла на него заплаканное, опухшее лицо.

И тогда он сделал то, чего я совсем не ожидала. Он мягко, почти невесомо, прикоснулся губами к моей мокрой щеке, смывая след одной из слёз. Потом к другой. Его прикосновения были такими нежными, такими бережными, что сердце замерло.

– Никто больше не посмеет тебя обидеть, – прошептал он, и его губы оказались в сантиметре от моих. – Никто. Ни бывшие мужья, ни бывшие жены. Ты под моей защитой теперь. По контракту и... по велению сердца.

И прежде чем я успела что-то понять, он наклонился и поцеловал меня. Не в щёку. Не в лоб. Он коснулся моих губ своими – мягко, вопросительно, давая мне время отстраниться.

Но я не отстранилась.

Наоборот, я потянулась к его теплому прикосновению, к твердой уверенности, к якорю в бушующем море стыда и боли.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, он смотрел на меня своими пронзительными, но теплыми глазами.

– Анкерные болты двенадцать на сто, – хрипло сказала я, не в силах придумать ничего умнее.

Он рассмеялся, коротко и глухо, и снова прижал меня к себе.

– Чёрт с ними, с болтами. Ты – моя самая сложная и самая важная сделка, Оленька. И я не собираюсь её срывать. Никогда.

Глава 25. Я хотел обеспечить вас всем лучшим

Ярослав

Я наблюдал за ней всю смену. Она держалась молодцом: отвечала на вопросы покупателей, даже улыбалась. Но я видел её стеклянный взгляд и напряжённые плечи.

После визита бывшего на её лице не осталось и следа уверенности. Она снова стала той загнанной женщиной, только теперь её унизили публично. И виноват был я. Я втянул её в эту игру, выставил на всеобщее обозрение, сделал её мишенью.

Мысли об этом жгли изнутри. Контракт, договорённости, деловое партнёрство — всё это рассыпалось в прах перед простой человеческой правдой: я её подвёл. Дал слабинку. Допустил, чтобы её болезненное прошлое ворвалось в её настоящее и растоптало её на моей же территории.

Поэтому, когда рабочий день подошел к кону, я не спрашивал. Я подошёл к её отделу, взял её сумку и куртку и сказал твёрдо:

— Поедем со мной.

Она лишь кивнула, безропотно, как солдат, отправляющийся в последний бой.

Всю дорогу, что мы ехали к моему лофту она молчала,

глядя в боковое окно. Разговоры о работе не помогали отвлечься и я плюнул на эти попытки. Я припарковался у входа в здание бывшей фабрики, теперь это был элегантный кирпичный комплекс с консьержем. Она посмотрела на него равнодушно.

— Мы приехали, – сказал я, открывая перед ней массивную металлическую дверь, ведущую прямо в лифт.

Подъём на последний этаж занял несколько секунд. Дверь лифта открылась прямо в квартиру. В просторное, пустое пространство с панорамными окнами во всю стену. Вечерний город лежал внизу, как разбросанные драгоценности.

— Входи, – сказал я, и эхо разнеслось по голым стенам.

Она переступила порог и замерла. Её взгляд скользнул по полированному бетонному полу, по грубой кирпичной кладке одной из стен, по гигантской чёрной люстре, свисающей с потолка высотой в шесть метров. На втором этаже, на антресолях, виднелся только стеклянный парапет и дверь в спальню. Вся мебель была минималистичной, дизайнерской, расставленной с геометрической точностью. Ни пылинки. Ни намёка на жизнь.

— Вот, – я развёл руками, чувствуя внезапную, острую неловкость. – Здесь достаточно места. На антресолях две спальни. Можно одну для мамы, одну для нас. Внизу — гостиная, еще одна закрытая комната... эмм... для детей, кухня-студня, тут же можно детскую зону организовать. Санузел, ванная комната — обе большие. Терраса.

Я говорил, как риелтор на показе, перечисляя квадратные метры и преимущества. Она слушала молча, медленно проходя по залу. Её шаги гулко отдавались в пустом пространстве. Она остановилась у огромного белого дивана, похожего на арт-объект, и провела ладонью по холодной коже.

— Здесь... очень чисто, — наконец сказала она тихо.

— Уборщица приходит три раза в неделю, — поспешил я добавить, всё ещё играя в заботливого хозяина.

— Да, — она кивнула. — Чисто, как в операционной. Или в музее современного искусства, где нельзя трогать экспонаты.

Она усмехнулась и я поймал ее улыбку, на сердце стало легче.

Оля подошла к камину, в котором никогда не горел огонь, только декоративные чёрные поленья. Потом к стеллажу, где рядами стояли книги в идеальном порядке и пара дизайнерских ваз. Ни одной личной безделушки. Ни одной фотографии. Ни одного намёка на то, что здесь кто-то живёт. Любит. Существует. Дышит.

Она обернулась ко мне.

На её лице не было слёз, только усталое, полное понимания выражение.

— Ярослав, это не дом. Это выставка успешной жизни. Здесь не место детским следам фломастеров на полу. Игрушки нельзя разбрасывать, а поделки — ставить на этот стеллаж. Они нарушат гармонию.

Мне нечего было сказать. Она была права. Абсолютно, беспощадно права.

— Я... я хотел обеспечить вас всем лучшим, — пробормотал я, и слова прозвучали глупо и фальшиво даже в моих ушах.

— Лучшее? — она слабо улыбнулась. — Лучшее — это когда на кухонном столе лежит карандаш, которым Катя только что рисовала, и рядом — крошки от печенья. Лучшее — это след от маленькой липкой ладошки на стекле. Лучшее — это запах борща и детского шампуня, а не ароматизатора «Мальдивский зной». Здесь... здесь пахнет деньгами и одиночеством.

Каждое её слово точно попадало в цель, разрушая последние барьеры моей деловой рациональности. Я взглянул на своё стерильное, дорогое убежище её глазами и впервые увидел его истинную суть — красивую, но пустую тюрьму.

— Мне страшно здесь, — тихо призналась она. — Я представляю, как Сережа ползает по этому холодному полу. Как Катя боится подойти к этому дивану, чтобы не испачкать. Как мама будет ходить на цыпочках, боясь нарушить этот... этот мёртвый порядок. Ты построил крепость, Ярик. Но в крепостях холодно и одиноко.

Она назвала меня Яриком. Впервые. Не «Ярослав Викторович», не «начальник». Ярик. И от этого простого слова во мне что-то надломилось.

Я подошёл к ней, остановившись в двух шагах. Не решаясь

прикоснуться.

— Что же нам делать? — спросил я, и в моём голосе впервые за многие годы прозвучала беспомощность. Не деловая неуверенность, а человеческая, живая растерянность.

Она посмотрела на меня, и в её глазах появилась та самая твёрдость, что была вчера на кухне.

— Мы будем его обживать. Не просто существовать, а жить по-настоящему. Со всеми вытекающими беспорядками. И если тебя это пугает... — она сделала паузу, — тогда наша сделка действительно останется только на бумаге. А нам с детьми будет нечего делать в этой красивой пустоте.

Она повернулась и пошла к лифту. Я не останавливал её. Я стоял посреди своего идеального лофта и смотрел ей вслед, понимая, что она только что предложила мне выбор, куда более важный, чем любой брачный контракт.

И выбор этот был между жизнью в музее одному и настоящей... живой жизнью в доме.

Глава 26. Мама, я, кажется, совершила ошибку.

Вернувшись домой, я застала удивительную тишину. Дети, набегавшись за день, спали. Мама сидела на кухне с тем же ромашковым чаем, будто и не вставала с этого места сутки. Увидев моё лицо, она молча пододвинула мне вторую кружку.

— Как ты дочь?

— Эммм... даже не знаю, с чего начать? — выдохнула я и прижалась к стене.

— Садись, дочка. Рассказывай.

И я заговорила. Сначала скупо, потом слова полились сами, горячие, колющие, перебивая друг друга. Про Леху, его гадкие шуточки, про публичное унижение. Про то, как меня снова затрясло от беспомощности и стыда.

— А потом пришёл он, — выдохнула я, и голос сорвался. — Ярослав. Он просто... уничтожил его взглядом.словно Леха был не человек, а мусор, который мешает на полу. Он назвал меня "ценным специалистом". Приказал ему извиниться или убираться. И Алексей... убрался. Споткнулся и сбежал.

Я закрыла глаза, снова переживая эту смесь унижительно-го позора и внезапного, головокружительного облегчения.

— Хороший мужик, этот твой... Ярослав как его, - мама

улыбнулась и задумалась.

– Викторович, – напомнила маме.

– Вот, – погладила меня по рукам и кивнула, – продолжай, Оль.

– А потом, в кабинете... Я расплакалась. А он... обнял. Крепко. Просто держал, пока я не выплакалась. И потом... – Я замолчала, коснувшись пальцами своих губ. – Он поцеловал меня, мам. Не в щёку. Не для проформы. По-настоящему.

Мама слушала, не прерывая. Её лицо выражало глубокую сосредоточенность, словно у врача, который внимательно изучает симптомы.

– А после работы, он повёз меня к себе. Хотел показать, где мы будем жить.

И тут я рассказала про лофт. Про эту огромную, холодную, стерильную красоту. Про паркет, на котором нельзя оставить следы, про диваны, которые страшно испачкать, про воздух, в котором витает запах денег и абсолютного одиночества.

– Я сказала ему, что мне там страшно. Что это не дом. Что это музей для одного человека, и нам с детьми в нём делать нечего. И... ушла. Сказала, что если он боится беспорядка, то наша сделка — пустая бумажка.

Я опустила голову на стол, чувствуя, как накатывает новая волна отчаяния.

– Мама, я, кажется, совершила ошибку. Ввязалась в

безумную авантюру. Он — из другого мира. Из мира этих... стерильных лофтов и чековых книжек. Он может защитить меня от бывшего мужа одним взглядом, но он не сможет жить в нашем мире с крошками на столе и следами от фло-мастеров. Я подписала контракт, а теперь... теперь мне просто страшно. И немного... жалко. Жалко его и жалко себя. Что мы пытаемся склеить то, что не склеивается.

На кухне воцарилась тишина. Мама сделала глоток чая и с лёгким, но уверенным звуком поставила кружку на стол.

— Твой отец, — начала она неожиданно, глядя куда-то в пространство за моей спиной, — когда мы только поженились, был таким же... стерильным. Не в деньгах дело, их как раз не было. Он был инженером. Его мир состоял из чертежей, расчётов и идеального порядка. На нашей первой совместной кухне у него была линейка, и он поправлял ею банки с крупами, чтобы они стояли ровно.

Я подняла голову, не понимая. Родителей я почти не помнила, отец умер, когда мне было лет пять.

— А потом родилась ты, — мама улыбнулась той, внутренней улыбкой, которая бывает только у людей, вспоминающих что-то бесконечно дорогое. — И этот его идеальный порядок рухнул за один день. Пелёнки сохли везде, где только можно. Соски падали на пол. Пюре из кабачка почему-то оказывалось на его любимой книге по сопромату. Я извинялась, пыталась всё убирать, нервничала. А знаешь, что он сделал?

Я молча покачала головой.

– Он пришёл с работы, увидел эту катавасию, увидел моё испуганное лицо... И рассмеялся. Такого я от него ещё не слышала. Потом взял ту самую линейку, подошёл к стене, где ты вчера оставила первый свой "рисунок" манной кашей, и обвёл его. Прямо по контуру. Получилась кривенькая птичка. И сказал:

– Вот, Валя, теперь это художественный объект. Первая работа дочери. Охраняется линейкой. И больше эту линейку для банок он не использовал никогда.

Мама посмотрела на меня прямо, и в её глазах светилась та самая твёрдая мудрость, что держала нашу семью на плаву все эти годы.

– Видишь, Оля? Неважно, лофт это или хрущёвка. Важно, что находится внутри. Твой Ярослав... Он достал чековую книжку в садике, чтобы заплатить за опоздание. Он привёз пиццу и коляску. Он встал горой против твоего хама. Он защитил тебя, а потом обнял и дал выплакаться. Он показывает тебе свою стерильную крепость, но делает это не для того, чтобы похвастаться. Он делает это, потому что хочет, чтобы ты там жила. Он предлагает тебе войти в свою пустоту. Пусть неуклюже, пусть с показом метража, как риелтор. Но он предлагает. Понимаешь?

Она помолчала, давая словам улечься.

– А то, что он там один жил и не знает, как это — с детским смехом и беспорядком... Так ты ему покажешь. Ты уже начала. Сказала ему правду. Не польстилась на площадь и

вид из окна, а сказала: “Мне здесь страшно”. Это и есть самое начало. Начало того, чтобы пустоту превратить в дом. Если, конечно, он захочет не просто формальной жены, а... жизни. Настоящей. Той, что с крошками и следами от флор-мастеров.

Я сидела и обдумывала её слова. Перед глазами стояла картинка, как мой отец обводит кашу линейкой. Это было не похоже на образ строгого инженера из наших семейных историй. Это был обычный человек, который смог отказаться от своих правил ради чего-то большего и важного.

– Ты думаешь, он сможет? – тихо спросила я.

– Я думаю, он уже начал, – сказала мама. – Он ведь не отступил, когда ты сказала ему правду про его музей? Не стал убеждать, что ты не права? Он просто спросил: “Что же нам делать?” Он готов слушать. А это, дочка, дороже любого лофта. Ты не ошиблась. Ты пошла на риск. Но иногда самый большой риск — это как раз остаться в своей безопасной, но одинокой крепости. Он рискнул, предложив тебе этот контракт. Теперь твоя очередь рискнуть — поверить, что за этой сделкой может быть что-то настоящее.

Она допила чай и встала, чтобы убрать кружки.

– А теперь иди спать. Завтра будет новый день. И, я уверена, новые анкерные болты для пересчёта.

Глава 27. Хаос – это именно то, что мне сейчас нужно.

Ярослав Викторович

Утро. Воскресенье. Но это не был обычный выходной. Казалось, что это день перед важным дедлайном, когда любая ошибка может иметь серьезные последствия. Я стоял в своей квартире, и слова Оли звучали у меня в голове, как тревожный сигнал: «Мне здесь страшно. Это похоже на музей. Здесь пахнет большими деньгами и одиночеством».

Она была права. Я привёз её в свою крепость, забыв, что крепости строят, чтобы чувствовать себя в безопасности. От кого я прятался все эти годы? От бывшей жены? От одиночества? От жизни, которая полна неожиданностей и... хаоса? Я создал идеальную, красивую обстановку и считал, что это и есть успех. А она с первого взгляда поняла, что это просто клетка.

Надо было это менять. Не когда-нибудь, а сейчас.

Я набрал номер своего дизайнера, Артёма. Того самого, который и превратил это пространство в тот самый музей. Он взял трубку с характерным для воскресного утра недовольным кряхтением.

— Артём, слушай сюда и не перебивай. – Мой голос прозвучал так жёстко, как будто я отдавал приказ о срочной по-

ставке товара под угрозой огромных штрафов. – Мне нужно полностью переделать квартиру. Не косметический ремонт. Перезагрузка. За два дня. К вечеру понедельника. Самое позднее.

На другом конце провода повисло изумлённое молчание.

— Ярик, ты с ума сошёл? Два дня? Это же...

— Я не сошёл с ума. Я просто наконец-то поумнел, – перебил я. – Проблема в том, что моя будущая жена, увидев это, сказала, что ей здесь страшно. Что это не дом, а музей, где нельзя оставить след фломастеров. У неё двое маленьких детей и мама. Им тут нечего делать. Понимаешь задачу?

— Понимаю, что задача невыполнимая, – пробормотал Артём, но в его голосе уже проскользнул профессиональный интерес. – Похоже на вызов.

— Нет невыполнимых задач. Есть неверно расставленные приоритеты и бюджет, — отрезал я. — Я удваиваю твой гонорар. Утраиваю, если нужно. Бери две, три бригады самых лучших своих мастеров. Которые могут работать сутками. Плати им втрое. Я беру на себя все расходы на материалы и сверхурочные. Но мне нужно, чтобы к вечеру понедельника это место было другим.

— Хорошо, – выдохнул Артём, уже мысленно погружаясь в задачу. – Сформулируй конкретнее. «Не музей» – это понятно. А что должно быть?

Я закрыл глаза, пытаюсь представить не интерьер из журнала, а тот хаос счастья, который она описывала.

— Во-первых, безопасность и комфорт для детей. Весь этот холодный бетонный пол заменить. Мне нужен тёплый ламинат или качественный паркет, по которому не страшно ползать. Углы на всей мебели – закруглить или защитить. Зонирование. Нужна отдельная, яркая, живая детская зона. Не «уголок». Место, где можно раскидать игрушки, рисовать на мольберте, не боясь залить краской паркет в миллион. Ковёр большой, мягкий, ворсистый. На который можно плюхнуться и валяться.

— Детская зона. Мягкий пол. Защита углов. Понял. Дальше.

— Кухня. Она должна быть... нормальной, как она сказала. Не студия для фотосессий, а место, где можно готовить борщ и печь печенье. Увеличить рабочую поверхность. Поставить нормальную, большую, удобную плиту и духовку. И стол. Большой, деревянный такой, семейный стол, за который можно посадить пятерых. Чтобы на нём могли лежать и карандаши, и крошки и ноутбук, если нужно.

— Функциональная кухня с большим обеденным столом. Что с гостиной?

— Гостиная... – я обвёл взглядом пустое пространство с белым диваном. – Этот белый диван-арт-объект – вывезти. Нужен большой, глубокий, мягкий диван, на котором можно всем улечься и смотреть мультики. И кресла. Уютные, в которые можно зарыться с книгой. Много текстиля – пледы, подушки. Цвета... тёплые. Не чёрно-белые. Бежевые, гор-

чичные, серые, может, даже немного тёмно-синего. Чтобы было тепло визуально.

— Меняем холодную палитру на тёплую, добавляем уюта через текстиль. А что насчёт... вашего личного пространства? — спросил Артём, и в его голосе я уловил намёк.

Я почувствовал, как по щекам разливается жар. Но это был не стыд. Это было решение.

— Да, нужен уголок. Не отдельная комната, а ниша. У окна, например. Что-то уютное, интимное, для двоих. Где можно вечером сесть, выпить вина, поговорить. Не на виду у всех, а в своём пространстве, отгороженном чем-то лёгким — ширмой или стеллажом с книгами. Два кресла и небольшой столик. Чтобы чувствовать себя не на виду, а в укрытии.

— Романтичная зона для двоих у окна, с камерностью, — задумчиво проговорил Артём. — А спальни на антресолях?

— Сделать их уютными. Не минималистичными капсулами, как сейчас. Нужен тёплый свет, удобные кровати, много места для хранения. Для мамы — возможно, её собственный маленький уголок с креслом и торшером. Чтобы она чувствовала себя не гостем, а хозяйкой.

Я слышал, как Артём что-то быстро записывает на другом конце провода.

— Ярик, это глобально. За два дня физически не успеть перестелить полы во всей квартире, поменять кухню и переключить всё освещение.

— Тогда сделай самое важное, — отрезал я. — Пол в детской

зоне и пути к ней – обязательно тёплый и безопасный. Кухню – организовать так, чтобы ей было удобно пользоваться сейчас, даже если идеальную мебель закажем позже. Главное – убрать это чувство стерильности и холода. Привези растения. Большие, в кадках. Живые цветы. Развесь гирлянды тёплого света. Заполни пустоту жизнью. Сделай так, чтобы, когда она зайдёт, воздух пах не «Мальдивским зноем», а деревом, текстилем и... надеждой. Чтобы она увидела не идеальный результат, а сам процесс. Чтобы осознала: музей закрывается навсегда.

Наступила пауза.

— Это самая безумная и самая человеческая задача за всю мою карьеру, – наконец сказал Артём. – Ладно. Я созваниваюсь с бригадами. Буду у тебя через час с замерщиками и идеями. Готовься к хаосу.

— Хаос – это именно то, что мне сейчас нужно, – ответил я и отключился.

Я подошёл к панорамному окну. Город просыпался. И впервые за долгое время я смотрел на него не как владелец, оценивающий свои владения, а как человек, который ждёт гостей. Самых важных в своей жизни. И для них он готов был разрушить до основания свою самую совершенную, самую одинокую постройку. Чтобы начать строить заново. Вместе.

Глава 28. Мне нужно купить полмагазина.

Час спустя в лофте бушевал хаос, в котором Артём чувствовал себя как рыба в воде. Он был везде одновременно — с планшетом в руках, крича что-то в телефон, приставляя рулетку к стене, кивая бригадиру славянской наружности, который уже выносил белый диван-жертву. Вокруг них сновали ещё человек десять — замерщики, электрики, а еще парень, который смущенно переминался с ноги на ногу, держа образцы ламината.

Я стоял посреди этого ада, и странное дело — вместо привычного раздражения от производимого этими незнакомыми мне людьми хаоса, я чувствовал... азарт. Это была операция по спасению. И я был в ней главным, кто обеспечивал деньгами, оборудованием и всем необходимым.

— Ярик! — позвал меня Артём, оторвавшись от своего планшета. — Мы определились с полами. Хотим постелить тёплый ламинат, который выглядит как дуб, прямо на готовую основу. Всё успеем сделать. Но вот с мебелью проблема. Большой мягкий диван из той коллекции, которую ты хотел, привезут минимум через три недели. И детскую зону за два дня с нуля не соберёшь.

— Не надо начинать с нуля, — сказал я, набирая номер

на телефоне. — Важно создать каркас. А наполнение — моя работа.

Пока бригада сносила стеллаж с вазами и начинала монтировать защиту на все острые углы, я разговаривал с управляющей одного из мебельных бутиков в городе.

— Людочка Петровна, это Ярослав Громов. Мне нужна помощь. Нет, не консультация. Мне нужно купить полмагазина. Сейчас. ... Да, я понимаю, что суббота. Удвойте зарплату всем, кто сегодня выйдет работать. Откройте для меня лично на два часа. Я буду через сорок минут со списком.

Я положил телефон и увидел, как Артём смотрит на меня с удивлением.

— Артём, в общем так, ты едешь в мебельный магазин и выбираешь то, что вписывается в твою картинку. Ценник — не смотришь. Считаешь, что у нас безлимитный бюджет и дедлайн вчера. А я еду в другой магазин... — хитро улыбнулся и понял, что не был в таких магазинах больше десяти лет, — детский.

В детском супермаркете меня встретила продавщица, застывшая в почтительном ступоре. Я побродил между рядами, и у меня закружилась голова. Я не знал, что выбрать для четырёхлетней девочки и годовалого мальчика. Я разбирался в марках станков и дрелей, но понятия не имел о кроватках.

— Мне нужен мольберт, — сказал я продавщице, пытаюсь собраться. — Самый лучший. И краски, которые безопас-

ны, если попробовать на вкус. И большой мягкий ковёр. Вот этот, в виде луга с цветами. И палатку-вигвам. И пуфы-груши. И полку для игрушек, но не скучную. В виде дерева. И... горку? Нет, горку, наверное, рано. Ладно, грузовик. Большой, на котором можно кататься.

Я выбирал, руководствуясь одним принципом:

«На это хочется залезть? В этом хочется спрятаться? Это выглядит весело?»

Корзина (вернее, несколько тележек) наполнялись с пугающей скоростью. Со стороны я, наверное, выглядел как сумасшедший олигарх, сметающий всё подряд. Но это было не так. Я впервые покупал не вещь, а возможность. Возможность для Кати рисовать, для Сережи ползать по мягкому ковру, для них обоих – иметь свой волшебный угол.

После детского магазина я отправился в мебельный бутик. Там царила особая атмосфера – тихая, но напряжённая. Людмила Петровна лично сопровождала меня и Артёма, который примчался следом.

Он выбирал диваны и кресла, я кивал и подписывал счета. Но главной моей находкой стал стол. Не дизайнерский стеклянный, а огромный, деревянный, из массива, с едва заметными следами обработки ручной рубанком. За ним могли бы пировать десять человек. Я положил ладонь на столешницу – тёплая, живая. А как она пахла... мmmm... Я даже зажмурился, вспомнив деревенский дом бабушки и горячие блины с маслом. По-моему, я наконец-то понял, что такое настоя-

щее счастье.

— Этот, – сказал я, не слушая цену. – И шесть стульев к нему. Не одинаковых. Пусть два будут покрупнее, два – поменьше, и два детских.

— Ярик, это... очень душевно, – тихо сказал Артём, отложив планшет. И мне даже показалось, что он пустил слезу.

— Ещё нужны подушки, – вспомнил я. – Много. И пледы. Не гладкие. Тёплые, вязанные, с узорами. И растения. Большие. Фикусы, пальмы и на ваш вкус. Какие там еще существуют?

К вечеру первого дня мой лофт был неузнаваем. Он стал живым.

Посередине гостиной лежал огромный пёстрый ковёр, вокруг которого уже выстраивался каркас будущего дивана. У стены стоял мольберт, а рядом – коробки с красками и карандашами. В углу росло, как на дрожжах, «дерево»-стеллаж. Рабочие монтировали тёплое освещение – не холодные споты, а бра и торшеры с мягким светом. В воздухе висела пыль и пахло... не «Мальдивским зноем». Пахло деревом, тканью и свежей краской. Пахло переменами.

Я был одет в старые джинсы и футболку, которых, кажется, у меня никогда не было. Я помогал расставлять пуфы в месте, где скоро будет детская зона. Мои руки были в пыли, а спина болела, но я чувствовал странное, непривычное возбуждение — радость от творчества. Я не просто покупал готовое, а сам участвовал в создании чего-то нового.

Артём подошёл, вытирая лоб. Он выглядел уставшим, но довольным.

— Кухонный гарнитур не успеваем. Но столешницу поставим новую, встроим плиту и духовку к завтрашнему вечеру. Раковину тоже новую, большую. На понедельник договорились: привезут и соберут хороший диван. Освещение у окна сделаем скрытым. Диван привезут завтра утром, кресла — к обеду. Остались подушки, пледы, посуда и настройка всего.

— С посудой разберусь завтра утром, — кивнул я, глядя на хаос, который начинал обретать черты дома. — И с постельным бельём. Не шёлковым. Хлопковым, мягким.

Ночью я не мог уснуть.

Я сидел на полу у панорамного окна (на нём уже не было видно разводов, его помыли), смотрел на огни города и слушал тишину, которая теперь была наполнена отзвуками дня — тихим потрескиванием где-то новой электропроводки, запахом ламината. Внутри меня копошились бабочки и это было новое для меня чувство от которого я балдел.

Утром второго дня всё завертелось с новой силой. Я носился по магазинам бытовой техники и посуды, выбирая не по дизайну, а по отзывам «удобно мыть» и «держит тепло». Купил простые, но качественные кастрюли, сковородки, набор столовых приборов, который весил, как гирия. Потом — постельное бельё. Не в фирменных пакетах, а в простом универмаге. Выбирал на ощупь. Мягкое, плотное, в мелкий

цветочек для детской и нейтрального песочного цвета — для взрослых.

Когда я вернулся, в лофте уже стоял диван. Не белый, а рыже-песочного цвета, глубокий, в него можно было провалиться. Рядом два кресла такого же цвета.

В углу у окна появилась уютная «ниша» — два кресла с высокими спинками, которые стояли друг напротив друга у низкого столика. Их отделяла от комнаты лёгкая ажурная этажерка, уже заполненная привезёнными книгами.

На столике красовалась ваза с жёлтыми тюльпанами. Это были не дизайнерские сухоцветы, а обычные, но яркие цветы.

Я обошёл всё кругом. Детская зона была готова — ковер, вигвам, мольберт, полки с частью новых игрушек. Кухня сверкала новой столешницей и встроенной техникой. На огромном деревянном столе уже лежала новая скатерть в клетку. Повсюду были разбросаны подушки и пледы. И повсюду — растения. Большие, зелёные, дышащие жизнью.

Стерильность была уничтожена. Музей превращался в стройплощадку будущего дома. И это было прекрасно.

К вечеру понедельника, когда я вернулся с работы, последние рабочие собирали инструменты, а Артём, осунувшийся, но сияющий, делал последние фото для своего портфолио (с моей щедрой скидкой на будущее), я стоял в центре гостиной. Здесь ещё пахло свежестью, но уже не одиночеством. Здесь ждали новые события и начинания.

После этого, я упал на диван и погрузившись в его мягкость, достал телефон и написал Оле.

Не про анкерные болты.

«Музей закрыт на реконструкцию. Открывается новая экспозиция под названием «Дом». Хочешь быть её первым посетителем прямо сейчас? И главным куратором – на постоянной основе».

Я нажал «отправить» и впервые за эти двое суток позволил себе выдохнуть. Работа была сделана. Теперь всё зависело от её ответа. Но даже если она скажет «нет», я уже не мог вернуться в ту пустоту. Потому что теперь я знал — дом можно построить. Даже если для этого нужно сначала разрушить свою идеальную, одинокую крепость.

Ответ пришел через две минуты, я открыл сообщения и прочитал...

Глава 29. Ты всё это сделал... за два дня?

Сердце колотилось в груди, будто пыталось вырваться наружу, когда я открыла сообщение. Я только что закончила укладывать Катю, рассказывая пятую сказку про храброго звереныша Лабубу, и сдалась, когда Сережа наконец уснул у меня на руках, убаюканный монотонным покачиванием.

«Музей закрыт на реконструкцию. Открывается новая экспозиция под названием «Дом». Хочешь быть её первым посетителем прямо сейчас? И главным куратором – на постоянной основе».

Текст горел на экране. «Прямо сейчас».

Сейчас было почти десять вечера. Дети спят. Мама, уставшая после дня с ними, уже дремала в кресле. А мои мысли возвращались к холодному паркету, к стерильным стенам его лофта, к чувству потерянности, которое охватило меня там.

«Дом»? За два дня?

Пальцы сами потянулись к клавиатуре.

«Сейчас никак. Дети спят. Мама выдохлась. Но завтра после работы – обязательно. Обещаю».

Ответ пришёл мгновенно, будто он ждал, уставившись в экран.

«Я за тобой заеду. Привезу и отвезу обратно. Ничего, что

поздно? Не могу ждать до завтра. Нужно показать».

Во мне боролись усталость и дикое, щемящее любопытство. Что он мог сделать за эти два безумных дня? Снести всё к чертям? Или... Или действительно попытаться что-то изменить? Голос разума твердил, что это безумие – ехать к мужчине ночью, даже к будущему официальному мужу. Но внутри горел маленький, упрямый огонёк. Огонёк надежды, которую зажгла мамина история про отца и линейку.

«Хорошо, – набрала я, чувствуя, как предательская улыбка трогает губы. – Но только посмотреть. И если дети проснутся, я сразу назад».

«Туда и обратно. Не переживай. Жду у подъезда через двадцать минут».

Двадцать минут пролетели в сумасшедшей спешке.

Я переоделась из растянутой домашней футболки в простые джинсы и свитер, наспех причесала волосы. Мама, проснувшись от шороха, только вздохнула и кивнула: «Иди, дочка. Я чутко сплю. Сережа проснется, я покачаю».

В её взгляде не было осуждения, только то самое тихое понимание.

Я поцеловала любимую мамочку в щеку, схватила сумку и вылетела из дома, словно влюбленная девица на свидание.

Его машина уже стояла у подъезда, тускло поблескивая в свете фонаря. Я скользнула на пассажирское сиденье.

— Не уснули? – спросил он, заводя двигатель. В его голосе

слышалось напряжение, которое он плохо скрывал. Он был не в пиджаке, а в тёмной толстовке, и казался... моложе. Или просто более живым.

– Спят, как сурки. Мама присмотрит, если что, – сказала на выдохе и посмотрела на Ярослава.

– Хорошо, – кивнул он, – ну что, едем смотреть?

— Ну давай же, давай! Я еле сдерживаюсь, – честно призналась я. – Что ты там такого натворил, что не мог до утра подождать?

— Разрушил музей, – просто сказал он, не сводя глаз с дороги, – практически до основания и начал строить дом.

Когда лифт открылся прямо в квартиру, я замерла на пороге. Я ожидала увидеть следы ремонта, бардак, может, груды коробок. Но не это.

Первое, что ударило в нос, – запах. Не химии и не духов. Пахло деревом. Настоящим, теплым деревом, свежей краской и... землёй. Откуда земля? Я сделала шаг внутрь.

Пол...

Пол был другим. Не холодным бетоном, а тёплым, матовым ламинатом под дуб. Но я почти не смотрела на пол. Моё внимание притянул огромный, пёстрый, невероятно мягкий на вид ковер посреди гостиной. На нём лежали разноцветные пуфы-груши. А у стены... у стены стоял мольберт. Рядом — открытая коробка с красками и карандашами. И палатка-вигвам. И полка для игрушек в виде раскидистого дерева. И лимонное дерево, которое тянулось до второго эта-

жа.

Воздух перехватило.

Я медленно повернула голову.

Белого дивана-арт-объекта не было. Вместо него стоял огромный, глубокий диван цвета тёплой песка, заваленный десятками подушек всех размеров и текстур — вязанные, бархатные, в полоску и в цветочек. На нём лежали пледы. Рядом — два уютных кресла-мешка. Всюду — зелень. Большие, раскидистые растения в плетёных кадках, фикусы, какие-то пальмы. Они оживляли пространство, делали его... дышащим.

Я молча прошла дальше, на кухню. Столешница была новой, матовой, на ней уже стояла современная плита и духовка. Но главное — стол. Огромный, деревянный, массивный стол, за которым, кажется, могла бы собраться вся моя большая когда-то семья. На нём лежала простая скатерть в красную клетку.

— Это... — голос у меня сорвался. — Это... откуда?

— Купил, — просто сказал Ярослав, стоя в двух шагах сзади, следя за моей реакцией. — Стол из массива. Когда я положил на него руку, он... запах деревом. Как у бабушки в деревне. Тогда я понял, он должен быть здесь.

Я обернулась и посмотрела на него. В его глазах, обычно таких собранных, читалась редкая неуверенность. Он ждал оценки. Ждал, как школьник, сдавший сложный проект.

— За два дня? — прошептала я. — Ты всё это сделал... за

два дня?

— Артём помог. Мой дизайнер. Хороший малый. И три бригады, которые работали без сна, — он махнул рукой, словно это были мелочи. — Главное — не это. Смотри.

Он взял меня за руку и повёл к огромному панорамному окну. Там, у самого стекла, была устроена небольшая, уединённая зона: два высоких кресла с мягкими сиденьями, стоящие друг напротив друга у низкого круглого столика. Их отгораживала от комнаты ажурная этажерка, заполненная книгами. На столике в простой стеклянной вазе стояли жёлтые тюльпаны.

— Это... уголок, — сказал он тихо. — Для двоих. Чтобы можно было вечером сесть, выпить чаю... или вина. Поговорить. Чтобы никто не видел и не слышал. В своём уютном уголке, глядя на засыпающий город.

Я смотрела на тюльпаны, на отражение городских огней в огромном окне, на этот невероятный, тёплый, живой мир, который он создал из ледяной пустоты. Слезы подступили к горлу — не от горя, а от чего-то щемящего и огромного, что не вмещалось в груди.

— Ты... ты это всё для... — я не могла договорить.

— Для вас, — он закончил за меня, его пальцы мягко сжали мою руку. — Чтобы вам не было страшно. Чтобы было куда ставить кривые детские рисунки и класть камешки с дырочками. Чтобы на кухне можно было печь печенье, а на диване — всем вместе валяться. Чтобы это было... настоящим

домом.

Он говорил эти простые, такие важные слова, и каждый из них отзывался во мне тихим, чистым звоном. Я видела его уставшее лицо, его взволнованные глаза, и понимала: он не просто исполнил пункт контракта. Он вложил в это душу. Свою одинокую, не привыкшую к такому, но отчаянно захотевшую тепла душу.

— Я не верю, – выдохнула я, и слёзы наконец потекли по щекам. – Не верю, что это возможно.

— А я не верил, что можно захотеть этого, – признался он, стирая большим пальцем слезу с моей щеки. Его прикосновение было тёплым и бережным. – Пока не встретил русалку, выброшенную на берег с двумя детьми, сумкой с инструментами и взглядом, который не боится сказать правду.

Он стоял так близко ко мне. Его лицо было рядом и я видела каждую морщинку, каждую искру в его глазах.

От него приятно пахло не парфюмом, а просто чистотой. Теплом его кожи и тем самым деревом от нового стола. И я больше не могла сдерживаться. Я поднялась на цыпочки и сама прикоснулась губами к его щеке. Легко, почти невесомо.

— Спасибо, – прошептала я ему в ухо. – Это самый безумный и самый лучший подарок на свете.

Он замер на секунду, потом его руки обняли меня, прижали к себе. Крепко, надёжно, как тогда в кабинете. Я уткнулась лицом в его толстовку, вбирая этот новый, безопасный

запах.

— Это не подарок, Оленька, — он тихо сказал, его губы коснулись моих волос. — Это приглашение. Вступить в должность главного куратора. На постоянной основе.

Мы стояли так, среди этого нового, ещё пахнущего свежестью мира, который он построил для нас. А потом он медленно отстранился, посмотрел мне в глаза — полные слёз, удивления и какой-то новой, робкой нежности — наклонился. И поцеловал...

Его губы коснулись моих, и я почувствовала, как внутри меня вспыхнули сотни бабочек и зажглись тысячи огоньков.

Когда мы наконец разъединились, чтобы ехать обратно, я оглядела квартиру в последний раз. Это уже не был лофт. Это была территория большой, шумной, счастливой жизни, которая вот-вот должна была здесь начаться. И я, наконец, поверила, что это возможно.

Глава 30. Мы едем в новый дом! Ула!

Переезд, даже временный, даже с минимумом вещей, оказался чем-то средним между цунами, цирком шапито и краш-тестом на прочность нервной системы. Началось всё относительно мирно.

Ярослав прислал за нами свой внушительный внедорожник и грузчика Витю. Витя, ухмыляясь как счастливый общник, закидывал в багажник сумки, коробки с игрушками и священный пакет с мамиными кастрюлями, которые она «ни за какие коврижки тут не оставит, они еще бабушке моей служили!».

— Мы едем в новый дом! Ула! – торжественно провозгласила Катя, держа в одной руке Лабубу, а в другой – коробку с фломастерами, как скипетр и державу.

Первые пятнадцать минут в лофте царил благоговейная, почти музейная тишина. Дети замерли на пороге, впечатлённые масштабами, как туристы в соборе Святого Петра.

Мама осторожно ступила на тёплый ламинат, и её лицо выразило целую гамму чувств: от «Батюшки-светы!» до «И чем это мыть-то будем?».

Ярослав встретил нас у лифта. Он старался изо всех сил выглядеть спокойным, радушным хозяином, но по его на-

пряжённой, чуть оскаленной улыбке и тому, как он сжал одну руку в кулак, а второй методично мял фалангу указательного пальца, я поняла – внутренне он уже бежит стометровку с препятствиями.

— Ну, проходите, располагайтесь, — сказал он, широко разводя руками в гостеприимном жесте. — Это теперь и ваш дом тоже. Полная свобода действий.

Эти слова прозвучали как стартовый выстрел.

Тишину нарушил Сережа.

Увидев огромный, пёстрый, мягче облака ковёр, он издал победный клич исследователя, открывшего новый континент, и рванул к нему с такой скоростью, что, кажется, оставил за собой полосу трения. Через секунду он уже с упоением катался по ворсу, смеясь и оставляя на нём художественные разводы из слюней и печенья, которое успел стащить по пути.

— Сере-е-жа! Ковёр же новый, дорогой! – взвизгнула я, но мой голос потонул в его восторженном угуканье. Было поздно. Первая жертва пала.

Катя, осмелев, как пират, высадившийся на берег, бросилась к мольберту. Через две минуты она с сосредоточенным видом Микеланджело уже разрисовывала не только прикреплённый лист, но и сам деревянный поддон. Потом её взгляд упал на вивгам.

— Это моя клепость! — заявила она, не оставляя пространства для дискуссий, и, не утруждая себя снятием обуви,

совершила восхождение внутрь, прихватив ящик с карандашами. Оттуда немедленно послышался звук, от которого у меня похолодела спина – наждачная бумага по шелку. Она явно создавала настенную роспись в стиле «пещерный модерн».

Ярослав стоял, как генерал, наблюдающий, как противник прорывает все линии обороны. Его лицо было маской стоицизма, но в глазах мелькала чистая, животная паника. Казалось, он мысленно пересчитывал стоимость каждого нового «арт-объекта», появляющегося в реальном времени.

— Олечка, золотце, а соль-то куда пристраивать будем? – оглушительно прозвучал голос мамы с кухни. Она, как сапёр на минном поле, уже открывала все шкафы. – И половник... Куда этот половник? А, ящик. Ой, мать честная, да он же в пол-аршина глубиной! Тут надо всё на передний план перекладывать, а то сгорбишься, как старая клюшка!

Началась Великая Перестановка Посуды. Звон крышек, грохот кастрюль и мамино ворчание слились в симфонию домашнего захвата.

И тут случилось то, что позже войдёт в семейную хронику как «Инцидент с фикусом». Сережа, накатавшись, пополз на новые подвиги. Его, как майора Пронина, привлекли большие, сочные листья фикуса в изящной плетёной кадке. Он дотянулся, ухватил мясистый лист, с радостным «У-тя!» оторвал его и зажал в кулачке. А потом, видимо решив, что один лист это скучно, потянул за ветку ещё раз.

Последующее произошло в замедленной съёмке. Кадка закачалась, будто нехотя, потом с ленивым грохотом опрокинулась, рассыпав по идеально чистому ламинату около пяти килограммов земли, мелких камушков и бедный, сломанный фикус.

— Ма-а-ам! Ой-ё-ёй! – завопила Катя из вигвама.

Я бросилась, как на амбразуру, но было поздно. Из горла Ярослава вырвался звук, средний между стоном, смешком и предсмертным хрипом. Казалось, он не фикус, а свою бизнес-империю увидел поверженной.

— Он... он жив, – констатировала я, подхватывая виновника, с которого сыпалась земля, как с бульдозера. – Они как термиты. Только милее и громче.

— Я... вижу, – проскрипел Ярослав, глядя на руины своего фитодизайна. Цвет лица у него стал интересного, землисто-серого оттенка.

Хаос, словно почувствовав слабинку, нарастал лавинообразно.

Катя, вынырнув из вигвама, обнаружила коробку с новыми игрушками и с криком «Сюрприз!» высыпала её содержимое горой на светлый диван. Пуфы-груши, будто живые, покатались по полу, немедленно став мячами. В воздухе запахло печеньем (мама открыла пачку «чтобы нервы успокоить»), и на огромном столе из массива тут же появилось липкое пятно от пролитого компота, идеально круглое, как мишень.

Я металась между фронтами, как белка в колесе: вытирала, подбирала, уговаривала. Это напоминало попытку вычерпать океан чайной ложкой.

Ярослав первые полчаса просто стоял, прислонившись к стене, будто в отключке. Он наблюдал, как его выверенный, тёплый, «живой» дизайн поглощает чёрная дыра детской энергии.

Потом он медленно, как зомби в хорошем костюме, полёлся к своему «романтическому уголку для двоих». Сел в кресло, взял со столика чудом уцелевший тюльпан и стал крутить его в пальцах, уставившись в пространство с видом философа, размышляющего о бренности бытия.

Я подошла, чувствуя себя виноватой, как подручный стихийного бедствия.

— Ярик, извини... Они всегда такие. Сначала всегда страшно, потом привыкаешь. Как к жизни в джунглях, только с LEGO на полу.

Он посмотрел на меня. Злости не было, только шок. Как у человека, который читал про ураганы, но никогда не был в эпицентре.

— Они... они загрязняют окружающую среду, – сказал он, как будто сделал важное открытие. – И делают это очень активно, с разрушением и беспорядком.

— Не беспорядком! – поправила я, глядя его по плечу. – Это интерактивный перформанс. Они исследуют границы. Наша задача – немного... смягчить эти границы.

Я оттащила Сережу, который уже заинтересовался хрустальной вазой (откуда?!), в ванную отмываться. Катя, выдохшись, устроилась на диване среди игрушечного хаоса и стала тихонько читать Лабубу книжку, водя пальцем по строчкам.

Шум сменился гулом усталости. Мама на кухне, победив ящики, таки нашла соль и с чувством выполненного долга включила чайник.

Я снова подошла к Ярославу. Он всё ещё сидел, держа в руках уже увядший тюльпан.

— Ну что? — тихо спросила я. — Передумал? Скажи честно. Пока мы ещё можем сделать вид, что это была экскурсия.

Он посмотрел на фикус-инвалида. Потом на Катю, мирно мурлыкающую на диване. Потом на Сережу, которого я держала на руках, а он, чистый и довольный, пускал пузыри и пытался поймать свой нос.

И тогда случилось чудо.

Ярослав медленно встал. Подошёл к этажерке, порылся и вытащил не гляцевый альбом, а старую, потрёпанную тетрадь в клеёнчатом переплёте (видимо, реликвию рабочих). Поднял с пола синий карандаш.

Потом, с видом хирурга, приступившего к сложнейшей операции, подошёл к сломанному фикусу. Оторвал кусок скотча (он волшебным образом оказался у него в кармане) и очень аккуратно, с нежностью, примотал оторванный лист к ветке. Получилось жалко, криво и трогательно. Лист бес-

сильно болтался, как повязка на ране.

Затем он открыл тетрадь на первой странице и вывел карандашом:

«Экспонат №1. Фигус Бенджамина. Лист оторван Сережей Грозовым (1 год). 16:47. Кадка опрокинута. Проведена временная консервация. Требуеет наблюдения».

Он показал мне. Потом обвёл взглядом комнату: синий мазок на мольберте, пятно на столе, грудку игрушек, землю на полу.

— Нет, — сказал он на выдохе. И в его голосе не было решимости, а было какое-то новое, обалдевшее, но твёрдое принятие. — Я не передумал. Я просто... неадекватно оценил силы противника. Тактическая ошибка. — Он глубоко вздохнул, и, кажется, с этим вздохом из него вышла последняя частица «музейного» прошлого. — Но разведка боем проведена. Теперь я знаю. Дом это не место, где всё на своих местах. Дом это место, где эти места ежесекундно меняются, ломаются и перекрашиваются. И, судя по всему, — он обнял меня одной рукой, прижав к себе Сережу, и поцеловал мне макушку, — мне срочно нужно закупить промышленный скотч, цистерну моющего средства и бронежилет. И, возможно, начать вести летопись.

— Не преувеличивай, — усмехнулась я и обвела взглядом гостиную. — Хотя, может ты и прав.

— Добро пожаловать домой, главный куратор, — сказал он, и его улыбка стала немного грустной. — Похоже, наша

главная выставка под названием «Жизнь» только что началась. И судя по тому, что все билеты раскупили, она будет очень популярной.

Глава 31. Такова моя природа.

После ужина, который мама, несмотря на хаос, умудрилась сотворить из того, что нашла в холодильнике (оказалось, Ярослав успел закупить и продукты), в лофте наступила странная, умиротворённая тишина.

Мама, уставшая, но счастливая, пошла в свою комнату наверх. Сережа, сытый и уставший от игр, уснул у меня на руках, пока я его укачивала, сидя на новом диване.

Я уложила его в приготовленную временную кроватку и вышла в гостиную. И замерла от удивительной картины.

В детской зоне, под мягким светом торшера, на том самом пёстром ковре сидел Ярослав. Рядом с ним, укутанная в один из новых пледов, лежала Катя, прижимая к себе Лабубу. А Ярослав... Ярослав, мой суровый босс, читал ей сказку. Не по планшету, не с телефона. Он держал в руках старую, потрепанную книгу с золотым тиснением – видимо, тоже найденную в закромах этажерки.

Его голос, обычно такой чёткий и повелительный, сейчас звучал тихо, низко, слегка нараспев. Он читал про Ивана-царевича, и в его интонациях не было ни капли иронии или снисхождения. Была полная, почти детская серьёзность. Катя смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в её взгляде читалось уже не просто принятие, а настоящее восхищение.

— ...и сказала ему лягушка человеческим голосом, — читал Ярослав.

— А она умела говорить? — прошептала Катя.

— В сказках это умеют все, — ответил он с той же серьёзностью. — Главное это уметь услышать.

Я прислонилась к косяку двери и просто смотрела, чувствуя, как в груди тает что-то ледяное и напряжённое. Он поймал мой взгляд через комнату и на секунду прервался, чуть заметно улыбнувшись уголком губ. Потом вернулся к книге.

Родной отец Кати никогда ей не читал сказок и практически не участвовал в жизни своих детей. У него просто не было на это времени.

Через десять минут Катя заснула, посапывая носом в плед. Ярослав осторожно, с какой-то невероятной для его крупных рук аккуратностью, поднял её на руки и отнёс на диван, где уже был приготовлен её временный ночлег. Он поправил одеяло, положил рядом Лабубу и выключил торшер.

Детские комнаты на антресолях еще были не готовы, но Ярослав сказал, что на этой неделе все будет закончено.

Мы остались вдвоём в полумраке огромной комнаты, освещённой только гирляндой тёплого света над кухней и городскими огнями за окном.

— Может чаю? — тихо предложил он. — И... я втайне от твоей мамы припас нам десерт.

Мы устроились в том самом «уголке для двоих».

На низком столике стояли две фарфоровые чашки, заварник и маленькая тарелочка с изящными эклерами и макаронами. За окном плыл ночной город, а здесь, в нашей нише, царил свой маленький, уютный мир.

Первые глотки чая прошли в молчании. Но это было приятное, усталое молчание союзников, завершивших трудный день.

— Спасибо, — наконец сказала я. — За сказку. Ты был великолепен.

— В последний раз я читал вслух, наверное, лет двадцать назад, — сказал он, ставя чашку. — Ещё когда Лика была маленькая. Боялся, что усну раньше неё.

— Не заснул?

Он покачал головой, глядя на свои руки. Потом поднял глаза.

— Ипотека, — сказал он негромко, как бы возвращаясь к нерешённым делам. — Мы оформили перевод долга. Платежи теперь будут идти с моего счёта. Ты можешь даже не вспоминать об этом. Это больше не твоя головная боль.

От этих слов внутри всё ёкнуло — от облегчения и от чего-то другого, почти стыдливого.

— Ярослав, я не могу просто так... Это огромные деньги.

— Это исполнение пунктов контракта, Оля, — мягко, но твёрдо остановил он меня. — Ты обеспечиваешь мне «тихую гавань» и публичный статус. Я обеспечиваю финансовую стабильность. Всё честно. Давай не будем сейчас об этом.

Давай поговорим о будущем. О настоящем. Например, о том, что завтра я закажу сюда нормальные детские кровати. И, возможно, вторую мойку на кухню, если мама будет продолжать вести осаду моих шкафов.

Я рассмеялась, и напряжение немного спало.

— А что насчёт... нашей квартиры? Той, старой? – спросила я. – Она же теперь пустует.

— Я подумал об этом, – сказал он, отламывая кусочек эклера. – Её можно сдавать. Арендная плата будет идти на отдельный счёт. На будущее твоих детей. На их образование. Или на твой собственный проект, если захочешь, когда они подрастут. Это будет твой фонд, Оля. Неприкосновенный запас. Чтобы ты всегда знала, что у тебя есть свой тыл. Даже если...

Он не договорил, но я поняла. Даже если наша «сделка» когда-нибудь закончится.

— Ты всё продумал, – прошептала я.

— Такова моя природа. Но, кажется, с твоим появлением мои планы приобретают... творческий беспорядок, – он улыбнулся, глядя на приклеенный скотчем лист фикуса, который виднелся в темноте.

Мы ещё немного поговорили. О работе, о том, как Катя завтра будет хвастаться в садике новым домом. О том, как Сережа, наверное, скоро начнёт не просто ходить, а носиться как угорелый и тогда хаос станет трёхмерным. Разговор был лёгким, тёплым, без острых углов и прошлых ран.

Когда чай был допит, а пирожные съедены, наступила тишина. Насыщенная, спокойная. Он смотрел на меня, и в его глазах, отражающих огни города, было что-то такое тёплое и сосредоточенное, что у меня перехватило дыхание.

Он медленно протянул руку, провёл большим пальцем по моей щеке, смахнув несуществующую крошку.

— Ты устала, — произнёс он тихо, почти шёпотом, который растворился в вечерней тишине лофта.

— Очень, — честно призналась я, чувствуя, как тяжесть дня оседает на плечах.

— И я.

Он медленно, будто давая мне время отстраниться, наклонился ко мне. Сначала я почувствовала лишь его дыхание — тёплое, ровное, пахнущее чаем и сладкой ванилью от пирожного. Потом его губы коснулись моих — нежно, почти неведомо, как первое прикосновение.

Его губы были мягкими и тёплыми. Он не спешил, позволяя ощущениям растянуться во времени. Одной рукой он осторожно коснулся моей щеки, проводя большим пальцем по скуле, и этот жест был полон такой безмолвной нежности, что у меня внутри всё сжалось, а потом расправилось, как бутон под солнцем. Поцелуй углублялся, но оставался неторопливым, исследующим. В нём была тихая благодарность — за то, что мы пережили этот день, за спящих детей за спиной, за этот уголок покоя среди руин фикуса и разбросанных игрушек. Его другая рука легла мне на спину, не притягивая,

а просто поддерживая, и от этого жеста стало так безопасно, так по-домашнему.

Когда мы наконец-то отстранились друг от друга, прошло ещё несколько долгих секунд. Мы сидели очень близко, почти касаясь лбами, делясь одним дыханием. В его глазах я видела не усталость, а глубокое, спокойное умиротворение и ту тёплую искру, которая, кажется, навсегда зажглась в них.

И только тогда, не отрывая взгляда от этих глаз, я задала вопрос, который вертелся у меня в голове весь вечер, вытесняя все остальные мысли:

— Ярик... А где мне сегодня спать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.